ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 11 (2394) Суббота, 7 февраля 1948 г. Цена 40 коп.

Хозяева своей страны

Вчера в газетах был опубликован Закон о Государственном бюджете Союза Советских Социалистических Республик на 1948 год.

Закон этот единодушно и с большим воодушевлением был принят высшим органом государственной власти нашей страны — Верховным Советом СССР.

Закон этот поддерживают миллионы советских людей — это от их имени голосовали за правительственный проект народные избранники — депутаты, это от их имени вносили депутаты на рассмотрение сессии различные предложения и поправки к проекту, направленные на дальнейшее укрепление и рост нашего социалистического государства, нашей культуры, это от их имени все депутаты в своих речах требовали экономного расходования государственных средств, бережливого отношения к народной копейке.

Народ наш — подлинный хозяин своей страны, хозяин рачительный и заботливый. Много труда положили советские люди, строя свое социалистическое государство, много крови пролили они, отстаивая это государство на полях сражений Великой Отечественной войны.

Государство — это мы! — с полным правом говорят граждане нашей страны — рабочие и академики, колхозники и писатели. Для советского человека нет и не может быть на свете ничего дороже, ничего священнее интересов своей страны.

Личное свое счастье советский человек ищет и находит в счастье народном, свое собственное преуспевание он видит в преуспевании своего Отечества. Потому-то и говорили с таким жаром с трибуны сессии депутаты о необходимости беречь государственные средства и экономно расходовать каждую копейку, что эта экономия, эта бережливость — в интересах государства, в интересах народа.

Советское правительство не скупится на расходы, которые служат повышению благосостояния народа, росту социалистической культуры. Щедро отпускаются миллионные средства на строительство новых школ, театров, дворцов культуры, стадионов, на расширение производства предметов широкого потребления и продуктов питания. Но потому-то и нужна сейчас жесточайшая экономия всюду и во всем, потому-то и вправе мы требовать бережливого отношения к народной копейке, что каждая такая сэкономленная копейка должна быть израсходована с пользой для народа, для блага народа. А какие выгоды может дать подобная экономия на копейках, — убедительно показывает следующий пример, приведенный в содокладе председателя Бюджетной комиссии депутата Л. Р. Корниец. Министерство финансов первоначально установило для перевозки грузов Союззаготтрансом тарифную ставку из расчета 1 руб. 03 коп. с тонно-километра. Бюджетная комиссия предложила принять тариф из расчета в 1 руб. 05 коп. за тонно-километр. Разница, на первый взгляд, пустяшная — всего в две копейки. Но оказывается, что эта разница увеличивает доходы государственного бюджета на 18 миллионов рублей.

Борьба за экономию государственных средств не есть временная кампания. Режим экономии представляет собою свойственный социализму метод хозяйствования. Это неоднократно подчеркивали в своих работах Ленин и Сталин. Это хорошо понимают и этим руководствуются в своей повседневной деятельности миллионы советских людей.

Всей стране известно ныне имя Андрея Якушина — слесаря-инструментальщика 2-го Московского часового завода. Чем же прославился тов. Якушин, почему так много оказалось у него последователей? Тов. Якушин предложил внедрить в своем цехе разработанный им метод борьбы с производственными потерями. Идея новатора была подхвачена его товарищами. Что же конкретно дала реализация этой идеи? Во-первых, в результате якушинского движения себестоимость часов новых марок, выпускаемых заводом, снизилась на 30 процентов. Во-вторых, почти вдвое сократились сроки изготовления продукции. Часы марки «Салют» делают нынче за 13 рабочих часов, в то время как еще недавно на это затрачивалось 25 часов.

Движение, инициатором которого явился тов. Якушин, родилось в инструментальном цехе часового завода, но в короткий срок оно приобрело всесоюзный размах. Советские люди сразу оценили всю значимость самой идеи, выдвинутой и реализованной тов. Якушиным, поняли, какие выгоды государству дает борьба с потерями производства, какие огромные средства она позволяет экономить, какие сулит перспективы на будущее. В том, что движение, начатое на сравнительно небольшом столичном заводе, превратилось в движение общенародное, сказалась высокая сознательность советских людей, их любовь к родной стране, желание видеть ее еще более сильной и могучей. У нас сейчас тысячи Якушиных во всех областях промышленности и сельского хозяйства, и нам нужно добиваться, чтобы число таких людей росло с каждым днем.

Мы должны решительно бороться с расточителями государственных средств, с теми, кто по легкомыслию или недомыслию транжирит народные деньги. Советская общественность, рупором которой является наша печать, не может оставаться равнодушной к фактам антигосударственного, антинародного отношения к советскому рублю, фактам, подобным тем, о которых говорил на сессии в своем докладе тов. Зверев. Разве допустимо, что ашхабадская киностудия третий год подряд работает над одним кинофильмом, расходует попусту крупные народные средства, а фильма зрители так и не видят? Не есть ли это прямое неуважение к советскому народу, к его трудовым подвигам, не проявляется ли в этом равнодушие к интересам своего государства?

Мы должны бороться с рутинерами и консерваторами всех мастей, мы должны решительнее поддерживать передовиков производства, новаторов науки и техники, чьи рационализаторские предложения, новые методы труда снижают себестоимость, повышают рентабельность предприятий, помогают экономить для государства, для народа миллионы рублей.

Советский народ горячо одобряет решения четвертой сессии Верховного Совета СССР. В решениях сессии советские люди — хозяева своей страны — видят перспективы нашего роста. В решениях сессии советские люди справедливо усматривают залог наших будущих успехов на фронте строительства коммунизма.

Мы вступили в третий год первой послевоенной сталинской пятилетки. Партия призывает нас не снижать темпов социалистического соревнования, бороться за дальнейший расцвет нашего народного хозяйства, внедрять режим экономии во все отрасли промышленности, строго учитывать и беречь народную копейку, беречь для народа же, для его нужд, для его процветания.

Советские люди, хозяева, строители, творцы, ведомые большевистской партией и великим Сталиным, глубоко преданные нашему правительству и проводимой им мудрой политике, патриоты социалистической Родины, выполнят свой долг. План третьего года послевоенной пятилетки будет воплощен в жизнь. Государственный бюджет будет осуществлен по-большевистски. Порукой тому — высокая идейность советского народа.

Долг советских писателей в эту вдохновенную пору — активно вторгаться в жизнь, быть пламенными пропагандистами великих наших планов и задач, запечатлевать в своих произведениях нравственную красоту, духовное богатство людей социалистического труда, двигающих нашу Родину вперед, к счастливому коммунистическому будущему.

Легенда, воплощенная в жизнь

Виктор ФИНК

1.

К югу от Ташкента, километрах в ста восьмидесяти, расположена небольшая станция Хилково — одноэтажное зданьице, водокачка, скромный пакгауз; шагах в ста от станции лежит городок Беговат. Еще недавно это был кишлак — мазанки под плоскими крышами, без окон на улицу, тихое и безмолвное селение. Ныне здесь мощеные улицы, тротуары, каменные дома, электричество, радио, магазины, банк, парк культуры — ныне здесь город, рассчитывающий в ближайшие годы принять сто тысяч жителей.

Километрах в шести от Беговата протекают тяжелые, мутные воды Сыр-Дарьи. Именно здесь народная фантазия поселила легенду о Фархаде. Почти восемь столетий назад этой легенде дал литературную жизнь Низами; через три века ее создал наново Навои — основоположник узбекской литературы. Навои придал Фархаду черты человеколюбца, заботящегося о благе народа. Фархад строит замок для своей возлюбленной Ширин, и Фархад строит оросительные каналы для народа.

В январе 1943 года на берегу Сыр-Дарьи остановился «газик», из него вышли шесть человек; им предстояло руководить строительством Фархадской ГЭС. Пустынная, хмурая местность. Скалы. Безлюдье. Одинокий орел в небе, и на сотни километров — бесплодная Голодная степь.

Осень и зима здесь — время жестоких ветров, дующих меж горами Могол-тау и Туркестанским хребтом. Скалы сжимают ветер, не дают ему вырваться отсюда. И ветер воет, свищет и злобствует. Новоприбывшие едва держались на ногах. Они увидели выемку в скале, подобную гроту, и укрылись в ней; из пустых ящиков они сколотили первые скамьи и первые столы. Так открылась контора строительства Фархадской ГЭС. Выемка в скале была легендарной пещерой Фархада. Легенда стала наполняться реальностью.

Именно здесь перехвачены воды Сыр-Дарьи и подняты на тридцать два метра. Рев низвергающейся воды потрясает молчаливую пустыню, но водам уже не уйти с пути, предначертанного человеком; пройдя тринадцать километров, они попадают в сооружения мощной электростанции; отсюда они уйдут, только выполнив свою обязанность, приведя в движение турбины.

2.

Электростанция на Сыр-Дарье — самая мощная в Средней Азии и одна из крупнейших в Советском Союзе.

Газеты уже сообщали, сколько миллионов кубометров земли здесь было вынуто, сколько сотен тонн бетона и железа заложено. Цифры огромны, но цифры порой забываются. Останется то, что сопровождает технику только у нас в Союзе, что придает ей особые, наиболее важные качества.

Постановление Государственного Совета Обороны о фархадском строительстве товарищ Сталин подписал 18 ноября 1942 года — за день до начала наступления под Сталинградом. Будущие поколения поймут, что Фархадская ГЭС была не просто электростанцией, передовым техническим сооружением. Это сооружение никогда не перестанет волновать людей, как могучий памятник духовного величия эпохи.

Вся история строительства — повествование об удивительных подвигах тысяч простых и скромных людей. Колхозники подходили к невиданным сложным машинам, изучали их и оставались при них в качестве механизаторов. Старики выносили на своих плечах из котлована десятипудовые мешки с землей. Молодые узбечки становились электросварщицами. Бригады работали в ледяной воде, преграждая путь паводку, грозившему размыть еще не окрепшие устои плотины.

3.

Невдалеке от плотины, на левом берегу реки — остатки земляных работ. Кажется, что археологи отрыли древнее городище; на самом деле сооружения не так стары.

В 1872 году первый генерал-губернатор Туркестана фон-Кауфман задумал перехватить в этом месте реку и отвести оросительный канал в Голодную степь. На строительство пригнали 70 тысяч крестьян-узбеков. Им платили по 5 копеек в день; часть крестьян вымерла от голода, эпидемий, некоторых «бунтовавших» сгноили в тюрьмах. Но «строительство» шло, оно продолжалось шесть лет. Прорыли тринадцать километров канала и бросили работу, не доведя до конца: все ассигнования были разворованы. Узбеки дали этой «эпопее» название не очень почтительное: «тонгус арык» — «свинячий канал».

Девять лет спустя при генерал-губернаторе Черняеве снова взялись за ирригацию пустыни и бестолково затопили тридцать тысяч десятин земли, годной к обработке. Специалисты-ирригаторы позже писали: «В первую очередь выдвигается вопрос не об ирригации, а об осушении бессмысленно затопленных цепных земель». Это звучит, как страничка из «Истории города Глупова»!

Кто только ни брался за ирригацию Туркестана...

В Ташкенте жил в опале дядя царя, великий князь Николай Константинович. Опальный князь тоже занялся ирригационными работами: в районе Беговата он построил канал, получил от казны 600 тысяч «чистыми». Канал размыло через год.

Ирригация Голодной степи, да и всех туркестанских пустынь, интересовала общественное мнение. Газета «Русское слово» незадолго до революции жаловалась на то, что в Средней Азии практически ничего не сделано для плодородия.

В 1907 году вышла книга известного статистика А. А. Кауфмана, посвященная перспективам переселенчества. Автор развернул картину широких экономических возможностей Туркестана, которые не были использованы тогда из-за безводья.

В рецензии на эту книгу Ленин писал, что «многие миллионы десятин и в Туркестане и во многих других местах России «ожидают» не только орошения и всякого рода мелиораций, они «ожидают» также освобождения русского земледельческого населения от пережитков крепостного права, от гнета дворянских латифундий, от черносотенной диктатуры в государстве».

4.

Узбекская энергетика не имеет прошлого. До революции потребление электричества здесь определялось многозначной дробью киловатт-часа в год на улицу.

Загляните в сохранившиеся еще кое-где старинные кишлаки. Вдоль улицы, запутанной, как нитка в клубке, стоят глинобитные стены. Все безмолвно. Толкните калитку — вы попадете во двор, затем в саклю. Зимой вас усадят на «сандал» — своеобразную печь: в углублении пола тлеет уголь, а над углублением стоит столик вышиной сантиметров в двадцать пять, покрытый толстым, ватным одеялом. Садитесь на пол, натяните одеяло на колени и пейте чай. Но и такое жилище уже освещено теперь электричеством! В республике множество мелких гидроэлектростанций — для них использованы арыки.

Сакля отживает свой век! Узбеки-колхозники уже строят новые дома, много домов — под черепичной крышей, с большими окнами. В этих новых домах — мебель, никелированные кровати и дубовые шкафы. Но электрический свет опережает строительство домов. В Янги-Юльском районе, в колхозе имени Сталина две трети семейств переселились в новые дома, но электричество горело и в старых, дедовских саклях.

Электричество в Узбекистане — база развития экономики. Экономика Узбекистана связана с хлопководством.

5.

Незадолго до революции группа местных купцов обратилась к туркестанскому генерал-губернатору с просьбой разрешить им открыть текстильную фабрику, которая перерабатывала бы узбекский хлопок на месте. Генерал-губернатор мотивировал свой отказ тем, что возникновение текстильной промышленности в Средней Азии создаст нежелательную конкуренцию московским фирмам. Средняя Азия оставалась «сырьевым придатком» при фирмах Прохорова, Морозова, Коншина, Циндели.

Революция предоставила узбекам возможности творить, строить. Революция зажгла народ Узбекистана жаждой созидания! В Узбекистане стали добывать хлопка втрое больше, чем до революции.

Для хлопка отвоеваны новые пространства в безводных пустынях. Началось строительство каналов. Десятки тысяч крестьян выходили со своими инструментами, со своими самоварами, пиалами и прокладывали новые дороги тающим снегам Памира и Тянь-Шаня. Длина Большого Ферганского канала — 270 километров, его построили 160 тысяч колхозников в 45 дней — чудо, которого еще не знает мировая ирригационная техника.

Хлопок — очень трудоемкая культура. Силами одних людей нелегко управиться с возрастающими посевными площадями. Поэтому на хлопковые поля были выпущены машины. Шестьдесят процентов труда хлопководов механизировано; остается механизировать уборку.

В Америке человеческие руки собирают хлопок медленно, одной силой мышц, работая так, как работали в долине Нила при фараонах. Проблему уборочной машины в Америке пытаются разрешить в течение 90 лет, но она не решена. Это об'ясняется просто: на плантациях работают негры, их труд дешевле машины.

В Ташкенте имеется Всесоюзный научно-исследовательский институт хлопка — единственный в мире по своему значению. Там я увидел недавно хлопкоуборочную машину, которую построил советский инженер Л. М. Розенблюм. Одна эта машина выполняет работу сорока пяти человек.

Но Узбекистану нужны и другие машины. Для этого построен огромный завод сельскохозяйственного машиностроения в Ташкенте.

Для машин нужен металл. Так возник в Беговате большой металлургический завод. Для машин нужно горючее. Так начались разработки узбекистанских нефтяных промыслов. Хлопку нужны удобрения, очень много удобрений. Поэтому был построен Чирчикский комбинат, один из крупнейших в Советском Союзе.

В нескольких городах республики сооружены текстильные фабрики, среди них — грандиозные комбинаты Ташкента и Андижана.

Для них нужны топливо и энергия: положено начало разработке ангренских углей.

Возникали фабрики и заводы, а поселки вокруг них становились городами.

Городам и промышленности нужен свет. Возникло грандиозное энергетическое строительство в республике. Фархадская ГЭС — очередной этап его развития.

6.

Англичане возвели в Индии, в Египте, в Иране всякие сооружения. Французы эксплоатируют богатейшие недра Северной Африки. США имеют промышленные интересы на Филиппинах и в Южной Америке. Феллахи, индусы, иранцы, арабы, берберы покинули земельные наделы, — вернее сказать, потеряли их, — и ушли работать в промышленность, к машинам. Что это дало народам? Стал ли их труд умнее, сделалась ли их жизнь шире и лучше? Нет! Их мышцы стали придатком к машинам.

Лишь в СССР на любой пяди земли развитию индустриальному сопутствует развитие национальной культуры. В Средней Азии вырастают фабрики, заводы, шахты, электростанции, но одновременно строятся и тысячи школ, сотни высших учебных заведений. Сыновья советского Узбекистана учатся, становятся технологами, машиностроителями, энергетиками, текстильщиками, агрономами, врачами, судьями, поэтами, артистами.

Вот имена нескольких инженеров, с которыми я познакомился на Фархаде: Юсупов Азиз, начальник строительства об'екта ГЭС. Бекаев Кемал — директор ГЭС. Акатов Бахим — главный инженер. Каланов Саддредин — начальник электроцеха. Кадыров Кемал — начальник лаборатории. Акатов окончил Энергетический институт в Москве. Остальные учились в Ташкенте в Индустриальном институте...

Вспоминается день на строительстве в минувшее лето, день, когда отмечалось завершение одного из этапов работы. Приехало 70 тысяч человек, в их честь был дан спектакль. Ташкентский драматический театр имени Хамза поставил «Отелло». Роль Отелло исполнял Абрар Хидоятов — сын каменщика из Старого города. Около тридцати лет тому назад отец пытался «отбить» влечение сына к сцене: отец привязал Абрара к столбу с вечера и бил его до утра. Утром, перед уходом на работу, отец прогнал сына из дому. Абрар уехал в Москву, учился в студии Вахтангова и вернулся на родину актером. Теперь он — народный артист.

Дездемону играла Сара Ишантураева; среди зрителей — ее родня, земляки, подруги детства. Много лет назад родители, остро нуждаясь, продали ее — восьмилетнюю девочку — за 500 рублей богатому старику-баю в будущие жены. Ее спасла революция. Потом была школа, была Москва, рождение театра в Узбекистане. Она играла Офелию и Дездемону на родном языке. Ишантураева — народная артистка Узбекской ССР, депутат Верховного Совета республики.

Подмостки были поставлены на дне деривационного канала; голоса актеров разносило радио. Семьдесят тысяч зрителей сидели на скалах, на естественном амфитеатре, образованном стенками канала. Величественная красота древне-эллинского театрального действия была превзойдена на трудовом празднике узбеков.

* * *

Теперь работы заканчиваются. Фархадская ГЭС накануне пуска. Строительная площадка еще завалена материалами, ящиками, холмами земли, гравием и цементом. Краны еще вонзают в небо свои длинные и тонкие стрелы, экскаваторы стоят, уткнув в землю огромные хоботы.

Но через несколько дней новая электростанция даст промышленный ток!

БЕГОВАТ. (Узбекская ССР).

(Спец. корр. «Литературной газеты»).

Государственное издательство политической литературы выпустило массовое юбилейное издание «Манифеста Коммунистической партии», подготовленное к печати Институтом Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б).

НА СНИМКЕ: обложка юбилейного издания.

20.000.000 новых книг даст Гослитиздат в 1948 году

Редакционный совет Гослитиздата заслушал доклад директора издательства Ф. Головенченко о тематическом плане на 1948 год.

— Мы дадим стране в этом году около 20 миллионов экземпляров книг, — сказал Ф. Головенченко. — Количество названий увеличивается до 260 вместо 220 в минувшем году.

Расширяется выпуск собраний сочинений классиков русской и мировой литературы. Будет выпущено 60 томов. Завершаются начатые ранее издания одиннадцати собраний сочинений — Пушкина, Лермонтова, Салтыкова-Щедрина, Маяковского, Гете, Гейне, Мопассана, Флобера, Вересаева, Шишкова и Тренева.

Около тридцати произведений русских классиков выйдут отдельными изданиями. В их числе — одиннадцать иллюстрированных, художественно оформленных книг.

Среди произведений советской литературы — книги К. Федина «Необыкновенное лето», И. Эренбурга «Буря», П. Павленко «Счастье», Г. Березко «Ночь полководца», М. Бубеннова «Белая береза».

Почти вдвое против прошлого года увеличивается количество названий литературных произведений народов СССР. Будет издано несколько томов собраний сочинений И. Франко и Т. Шевченко, узбекский эпос «Алпамыш», осетинский эпос «Сказание о нартах», антологии грузинской, туркменской и узбекской литератур, избранные произведения классиков и лучших современных писателей советских республик.

Значительно расширен раздел литературы славянских стран. Выйдут в свет избранные произведения Христо Ботева, Э. Ожешко, «Крымские сонеты» А. Мицкевича, сборник славянских песен и сказок, антология польской поэзии, роман Б. Пруса «Кукла» и другие произведения.

Раздел литературоведения содержит 25 названий. Но обращает на себя внимание отсутствие исследований, посвященных литературе братских народов. Нельзя считать достаточным издание двух предусмотренных в плане книг: В. Гольцева — о грузинских писателях XIX века и Е. Лундберга «Жизнь Важа Пшавелы». На это справедливо указал в прениях Е. Бертельс.

Член редакционного совета проф. Н. Бродский сообщил о готовящейся в Гослитиздате новой серии — «Русские мемуары». Серия содержит 68 названий, и издание ее рассчитано на несколько лет.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВЕЛИКОГО ДРАМАТУРГА

Гослитиздат приступает к изданию полного собрания сочинений А. Н. Островского в 16 томах.

В первых семи томах публикуются пьесы великого драматурга, в восьмом — произведения, написанные в сотрудничестве с Н. Соловьевым и П. Невежиным, в девятом и десятом — переводы с латинского, итальянского, испанского, английского и французского языков и переделки различных пьес. Статьи, записи и заметки о театре составят содержание одиннадцатого тома. В двенадцатом будут помещены проза А. Островского, его неоконченные произведения, путевые записи, дневники.

Последние четыре тома включают письма писателя и справочные материалы к изданию

Юбилей Театра им. Ленинского комсомола

Двадцатилетний юбилей отмечает в феврале один из самых популярных театров Москвы — Театр имени Ленинского комсомола. В 1927 году в Москве был создан Театр рабочей молодежи, в труппу которого вошли наиболее талантливые участники художественной самодеятельности — молодые московские рабочие и работницы. В 1938 году театру присваивается почетное имя — Театр имени Ленинского комсомола. В его коллектив приходят ученики и последователи К. Станиславского и В. Немировича-Данченко — И. Берсенев, С. Бирман, С. Гиацинтова и другие.

Воспитание молодого поколения — такова главная цель театра. Он стремится создать героический образ молодого человека советской эпохи, показать его духовную красоту и величие в спектаклях «Как закалялась сталь», «Парень из нашего города», «Юность отцов». Теме советской молодежи посвящены также поставленные театром пьесы «Галина» И. Штока, «Крылатое племя» А. Первенцева, «Большие надежды» В. Каверина, «Школьные товарищи» Б. Ласкина.

Театру имени Ленинского комсомола свойственно чувство современности. Из 54 спектаклей, поставленных за двадцать лет, 45 посвящены современной тематике.

Накануне юбилея театр выступает с творческими отчетами перед зрителями. Уже состоялись вечера на автозаводе им. Сталина, в Военной академии им. Ворошилова и в Центральном доме Советской Армии.

К юбилею в театре открывается выставка «Наш творческий путь».

О „ЗАБЫВЧИВОСТИ“

Как нельзя издавать переводные брошюры

В начале 1941 года известный английский физик В. Г. Брэгг прочел лекцию об электромагнетизме перед очень специальной аудиторией: будущими операторами радиолокационных установок, охотниками за магнитными минами, работниками военных лабораторий, радистами...

Читатель вправе спросить, зачем теперь вспоминать эту старую лекцию. Но дело в том, что она в 1947 году в количестве 25.000 экземпляров издана в СССР Издательством технико-теоретической литературы.

Брэгг свою лекцию назвал «История электромагнетизма». Но какая это история электромагнетизма, если она тщательнейшим образом умалчивает имена тех, кто сделал действительно большой вклад в развитие электромагнетизма — мы имеем в виду замечательных русских электротехников XIX века!

Между тем аннотация Издательства технико-теоретической литературы, напечатанная в брошюре Брэгга, утверждает, что советский читатель много потеряет, не ознакомившись с историей электромагнетизма в изложении Брэгга.

Брэгг читал свою лекцию англичанам, для которых электромагнетизм должен был стать оружием в войне, и ее целью была не только популяризация этой области науки, но и агитация, проповедь того, что самые важные достижения электромагнетизма — создание англичан. Он сам откровенно говорит это в предисловии к брошюре, воспроизведшей лекцию.

Рассказав о выдающихся заслугах Королевского института в разработке основ современного электромагнетизма, не забыв даже о том, что в память о лягушках, употреблявшихся для изучения электрических явлений, в пол одного из помещений Королевского института вделана маленькая бронзовая лягушка, упомянув людей, порою весьма отдаленно связанных с историей электромагнетизма, Брэгг не счел необходимым назвать ни М. В. Ломоносова, ни В. В. Петрова, ни Э. Х. Ленца, ни П. Н. Яблочкова, ни П. Н. Лебедева, ни А. Г. Столетова, ни создателя радио А. С. Попова...

Издательство технико-теоретической литературы, решившее издать подобную брошюру, должно было восполнить «пробелы памяти» Брэгга. Это — нехитрое дело, и многие книги иностранных авторов не вводят советского читателя в заблуждение, благодаря примечаниям и предисловиям редакции.

Почему на странице 12-й, где говорится об опытах Никольсона, Карлейля и сэра Гэмфри Дэви, не сделано примечания о том, что подлинным «отцом» электрохимии является русский ученый В. В. Петров, открывший электрическую дугу, несправедливо носящую имя Вольта?

Почему не нашлось места для примечания о том, что важнейший закон о связи намагничивания железа с намагничивающим внешним полем впервые найден в 1872 году русским ученым А. Г. Столетовым?

Этим законом пользуются все изучающие, конструирующие и эксплоатирующие электромагнитные приборы, аппараты и машины.

Когда Брэгг с гордостью говорит, что Максвелл был автором теории электромагнитной природы света, почему нет примечания о том, что П. Н. Лебедев первый в мире получил самые короткие электромагнитные волны длиною только в 6 миллиметров и провел целую серию гениальных опытов, доказавших правильность электромагнитной теории света?

Знаменитый английский физик Томсон сказал после этого К. А. Тимирязеву: «Вы, может быть, знаете, что я всю жизнь воевал с Максвеллом, не признавая его теории, а вот ваш Лебедев заставил меня сдаться перед его опытами».

Разве это менее интересно для советского читателя, чем сообщение о бронзовом памятнике лягушке в Королевском институте?

Первый в мире электромагнитный двигатель русского ученого Б. Якоби, создание трансформаторов П. Н. Яблочковым и И. Ф. Усагиным, открытие А. С. Поповым радио — обо всем этом хотя бы в нескольких словах обязано было сказать издательство, выпуская брошюру Брэгга, чтобы, читая этот «прекраснейший образец научно-популярного изложения», как говорится в аннотации к брошюре, никто не подумал, что автор ее прав, ни слова не упомянув о роли русских ученых в истории электромагнетизма.

А. МОРОЗОВ.

Чедомир МИНДЕРОВИЧ

МАНСАНАРЕС

Слышишь гулкие раскаты? Вдалеке река клокочет,
И на гребнях волн косматых закипают боль и ярость.
Трупы павших поднимает и кровавой пены клочья
Поседевшая от горя Мансанарес, Мансанарес.

Рощи пышные поникли, и поля в свинцовых брызгах.
Стонут сироты и вдовы, плачут девушки, состарясь.
Берега твои и воды осквернил сапог фашистский,
О, река народной скорби, Мансанарес, Мансанарес.

Где б ты ни был, друг, — на Волге, на Ядране иль на Ганге,
Завершив труды дневные, ты беде далекой внемлешь.

Вслушайся в тяжелый топот марширующей фаланги
Над рекою Мансанарес, что течет по горьким землям.

Вслушайся в проклятый топот. Враг давно уже опознан.
И бушует Мансанарес и взывает к правосудью:
— О, приди, еще не поздно! Торопись, еще не поздно!
Поднимайтесь для возмездья, обездоленные люди!

День придет — я снова буду серебриться величаво,
Даль долин пересекая, течь по плодородным нивам.
Берега мои сегодня залиты росой кровавой,
Завтра вспашет их по праву пахарь вольный и счастливый.

Мансанарес — река в Испании.

Перевел с сербского Яков ХЕЛЕМСКИЙ

Больше бумаги стране

ДОРОГУ НОВАТОРАМ ПРОИЗВОДСТВА!

Всемерно поощрять инициативу и творчество рабочих и инженеров!

О дерзновении и робости

Аркадий ПЕРВЕНЦЕВ

1.

Еще до встречи с главным инженером Камского целлюлозно-бумажного комбината тов. Г. Рапопортом (временно исполнявшим обязанности директора), нам, участникам бригады, посланной «на бумагу» Союзом советских писателей и «Литературной газетой», было известно, что руководящие работники комбината настроены против каких бы то ни было разговоров о выполнении предприятием пятилетки в четыре года.

Желание передовиков предприятия обсудить по-серьезному этот вопрос не встретило поддержки у руководителей. Рабочие еще не были знакомы даже со своей пятилеткой, так как министерство только к началу января 1948 года успело утвердить пятилетний план комбината.

Подобные настроения хозяйственников казались по меньшей мере странными, тем более, что Камский комбинат находится в лучшем положении, чем другие предприятия целлюлозно-бумажной промышленности. Краснокамцы не испытывают недостатка в основном сырье — балансовой древесине и выполняют план.

Ради истины следует сказать, что у руководителей предприятия нет недостатка, конечно, и в неотложных заботах — до сих пор скверно налажено снабжение каолином, колчеданом, подшипниками, запасными частями. Этими заботами «внешнекомбинатского маневра», как их здесь называют, люди поделились с нами для того, чтобы мы, писатели, помогли предприятию. Мы это либо сделали, либо сделаем в недалеком будущем.

Но нельзя ограничивать помощь писателей комбинату только этим. Мы не могли спокойно наблюдать инертность руководителей комбината, когда речь идет не только о возможности выполнения, но и значительного перевыполнения планов.

Неверие руководителей комбината в возможность выполнения комбинатом пятилетки в четыре года происходит прежде всего от неумения изыскать резервы. Поможем поискать эти резервы.

2.

Какие задачи поставили перед собою руководители Камского предприятия на ближайшее время?

Мы сидим у стола главного инженера Г. Рапопорта, суховатого, почему-то настороженного и, безусловно, знающего свое дело человека. За окнами видны корпуса предприятия, дымы над ними. За дымами — встающие, как горы, запасы балансов. Идет мокрый, липкий снег и хлопьями опускается на землю, засыпая холмы невывезенной целлюлозы и штабели газетной бумаги в стандартных рулонах. Последняя картина (нарисованная руками работников Министерства путей сообщения), очевидно, не особенно настраивает главного инженера на дерзновение.

Но мы думаем иначе. По-нашему — надо дерзать! Ибо выполнение пятилетки в четыре года — битва не только с трудностями, это битва со старыми, отжившими представлениями о «незыблемости технических норм и расчетов», это риск и дерзание, вдохновение и вера в силу рабочего класса и советского инженерства, вера в нашу могучую социалистическую экономику. Пятилетка в четыре года — это творческий спор, горящие глаза, бессонные ночи, это порыв вперед!

Понятие — «дерзновение» — не вяжется конечно, с успокоенностью, вялостью.

— Итак, по-вашему, выходит, что пятилетку в четыре года выполнить по комбинату невозможно? — спрашиваем мы у главного инженера.

— Выполнить пятилетку в четыре года по нашему комбинату — все равно, что... — Рапопорт ищет сравнения, — все равно, что одному человеку поднять здание заводоуправления... Вот это здание... где мы находимся.

— Вы производили какие-либо расчеты?.. Прикидывали?..

— А зачем прикидывать? Все и так ясно!

Вызванный в кабинет начальник планово-экономического отдела тов. Сорокин подтвердил: «Никто ничего не прикидывал».

— Что же вы намерены делать?

— Выполнять план, — отвечает Сорокин.

— Какой?

— Утвержденный главком пятилетний план, — и руки начальника планово-экономического отдела заученно потянулись, чтобы развязать аккуратную папку, предупредительно захваченную им из отдела.

— Скажите, может быть, какие-нибудь конкретные мероприятия разрабатывались вами для выполнения пятилетки в четыре года? Хотя бы после появления в газетах призыва ленинградцев?

Последовал ответ, перед этим услышанный нами от главного инженера.

И тогда мы решили направиться для ознакомления с производством. Может быть, непосредственное знакомство с отделами и цехами утвердит нас в «железной логике» тов. Рапопорта?

3.

Горы древесины теперь были близки. Застывшая Кама лежала у наших ног. В последней фазе ледостава были вытащены на берег механизированными транспортерами все бревна — ничего не зимовало в реке. Комбинат был насыщен сырьем. Блестящая механизация лесной биржи помогла предприятию надолго, до следующих плотов, не задумываться о будущем.

По каналу — лотку циркулирующей воды — шла отсюда к древесно-массному заводу из лесной биржи балансовая древесина — елка, отсортированная при помощи мощных кранов.

Пропускная способность лотка была значительно выше его фактического использования. Бревна шли редко, с большими интервалами. Впоследствии, на совещании передовиков, начальник древесного отдела целлюлозного завода тов. Пуртов подтвердил наши наблюдения.

Он жаловался, что в древесном отделе оборудование сильно изношено, а пригодное к эксплоатации нередко простаивает из-за недостатка рабочих. Чаще всего работают только две-три корообдирки и поэтому так лениво подается по каналу древесина. Рубительная машина большой производительности, о пуске которой уже давным давно широковещательно об'явила областная газета «Звезда», была еще даже не смонтирована. Кстати сказать, областная газета «Звезда», редактируемая тов. Назаровским, проявляя порой излишний энтузиазм, чрезвычайно равнодушно проходит мимо вопросов целлюлозно-бумажного производства, хотя удельный вес этой отрасли промышленности в области, как известно, велик.

Итак, на головном участке было малолюдно. За исключением одной рубительной машины, агрегаты первоначальной разделки древесины стояли.

Невольно напрашивался вопрос: «А если сюда вдохнуть настоящую жизнь? Если пустить все машины?» Или же, может быть, именно подобное состояние головного участка предусматривали руководители главка, утверждая производственный план?

Осмотр каждой бумажной фабрики завершается всегда у основного агрегата по производству бумаги — у бумажной машины.

Над этими сложнейшими двухэтажными агрегатами, длиной в несколько десятков метров, висели призывы, требующие увеличения скоростей до 250 метров в минуту. И несмотря на то, что требование, как это было видно из лозунга, основывалось на минутах, машины №№ 1 и 2 пребывали в состоянии простоя.

Здесь выяснилось, что простои бумажных машин велики: в смену три-четыре часа. Несмотря на это, план выполнялся! А если план выполнялся и при существующем положении, — значит, и здесь, как и в древесно-массном цехе, таились большие резервы.

Производство бумаги механизировано, автоматизировано. Сложный процесс превращения рольной массы в бумагу продолжается всего полторы-две минуты. Понятно значение борьбы сеточников за каждую минуту.

Комбинат располагает четырьмя действующими бумажными машинами. Пятая должна быть установлена почему-то к 1950 году, хотя она имеется и ее только надо доставить в Краснокамск.

Каолин, как известно, играет в производстве бумаги исключительную роль. Как наполнитель, он значительно повышает качество бумаги, снижает ее себестоимость, заменяет ценное волокно из балансовой древесины. И вот, как ни странно, Камский комбинат, крупнейший производитель печатной бумаги, выпускает ее, по существу, почти без каолина. Комбинат плохо снабжается каолином, который ввозится почему-то из Винницкой области вместо Кыштымского комбината, который расположен на Урале.

Хозяйское решение вопроса о каолине, — а таких вопросов много, — могло помочь привести в действие резервы и перевыполнить план.

Какой же вывод можно было сделать после ознакомления с центральным пунктом комбината? Только один: резервы полностью не использованы!

4.

Директор комбината тов. Туниманов в январе уехал в отпуск. В его пустынном большом кабинете, под стеклом, в дубовой раме, находилось переданное на вечное хранение знамя Государственного Комитета Обороны.

Знамя ГКО обязывало ко многому, оно безмолвно звало к подвигам, к продолжению славных производственных традиций военного времени. А в здании заводоуправления никуда не торопились, не спорили, не было слышно живых голосов энтузиастов. Все было наружно налажено, приглажено, спокойно. Люди говорили тихими, бархатными голосами, медленно и важно являлись на вызов начальства, уже заранее держа в руках именно ту папку, которая могла потребоваться.

Может быть, моя оценка положения покажется кому-нибудь слишком суб'ективной. Возможно!.. Но тогда, значит, лично мои **суб'ективные** восприятия еще до посещения комбината были отрадно возбуждены пребыванием на ряде передовых предприятий Москвы и Урала. Мне довелось видеть людей, взволнованных пламенным призывом ленинградцев, мне пришлось видеть спорящих, активных, в полную силу работающих инженеров и рабочих. Я понимал вдохновенный порыв творцов, ломающих вчерашние, казалось бы, незыблемые предположения, людей, идущих вперед на обгон времени. Я видел, как зачеркивались руками плановиков и экономистов отлично разграфленные и освященные, казалось бы, бронзовой незыблемостью сметы, ведомости, балансы. Да, все эти цифры проходили в свое время разные инстанции, утверждались, подписывались. Но под сильным дуновением творческого, оплодотворяющего ветра люди принялись вновь рассчитывать, записывать предложения масс, утверждать новые цифры наступательного порыва.

Но пятилетка — в четыре года — это не только энтузиазм масс. Здесь нужно поработать в первую очередь руководителям. Надо обеспечить все возможности для работы по повышенным нормам — обеспечить и электроэнергией, и паром, и исходным сырьем, и дополнительным инструментом, и запасными частями, и топливом, и механизмами, и транспортом...

5.

И вот, в техническом кабинете, на первое совещание, которое должно было наметить пути досрочного осуществления пятилетки, собрались, по инициативе писательской бригады, передовые люди Краснокамского комбината. Они явились, как на праздник. Здесь были варщики, сеточники, бумажные мастера, технологи, энергетики, экономисты.

На трибуну выходили горячие, дерзновенные люди, творчески подошедшие к выполнению большой задачи. За плечами этих людей были десятки героических дел.

Все они: и обер-варщик Гиро, и варщики Титов, Рочев, и потомственный сеточник Рогачев, и бумажные мастера Лихомский, Ульянов, и многие другие основные производственники — люди, на плечи которых непосредственно ляжет выполнение повышенных заданий Родины, не усомнились в своих способностях, никто из них не оробел. Все они заявили перед лицом товарищей, что пятилетку можно выполнить досрочно! Они опровергали утверждения плановиков и экономистов. Робкие попытки противостоять активности рабочих, которые делал директор целлюлозного завода тов. Петров, выступивший с неаргументированной, беспомощной речью, вызывали смех в зале.

Производственники требовали обеспечить рабочие места, провести тот «внешний маневр», который обычно осуществляется руководителями предприятия, а не людьми, стоящими у агрегатов. Новаторы показывали точно, ясно, определенно — где таятся неиспользованные возможности.

Парторг ЦК ВКП(б) тов. Лебедев поддержал передовиков производства.

Он сказал:

— Если послушать выступающих на этом совещании, то нельзя не притти к выводу, что налицо разрыв между тем, что говорят рабочие, и тем, что говорят руководители. Наша беда в том, что до сих пор ни одно наше производственное совещание конкретно не обсуждало вопроса, — как выполнить пятилетку в четыре года? Вот почему я думаю, что сегодняшнее совещание послужит большим уроком для нашего руководства. В самом деле, способны ли мы выполнить пятилетку досрочно? Некоторые рассуждают так: план есть, его надо выполнить — и ладно, а невозможное сделать, мол, невозможно... Нужно всегда помнить слова товарища Сталина, что план нельзя рассматривать как догму. План корректируется людьми... Для большевиков нет ничего невозможного!

Тов. Лебедев обстоятельно разобрал положение на комбинате и указал, где таятся неиспользованные возможности. Он привел пример, когда людей, считавших, что дефибрер может давать 15 тонн массы в смену, осмеивали. А вот теперь дефибрер дает 18 тонн в смену, и никто не считает это чудом!

6.

В заглавии этой статьи — два слова: «дерзновение» и «робость». Дерзновение относится к передовым производственникам, робость — к тем руководителям, которые забыли о своей обязанности прислушиваться к голосу масс.

Краснокамским хозяйственникам еще предоставлены время и возможности, чтобы понять и уяснить для себя линию поведения.

Может быть, некоторым руководителям целлюлозно-бумажной промышленности шефство писательской общественности представлялось, как парадное дело?!

Может быть, некоторые (судя по Камскому комбинату) представляли себе бригаду писателей, как некий филиал толкачей, прикрепленных к отделам снабжения и сбыта?!

Мы не снимаем с себя принятых в обращении писателей обязательств — оказывать всяческую помощь бумажникам!

Но все же основная цель литераторов, творческих работников — помочь творчеству масс, разрешающих основную патриотическую задачу, задачу выполнения пятилетки в четыре года.

КРАСНОКАМСК.

По-стахановски работал А. Жуков на монтаже машин Калининградского бумажно-целлюлозного комбината и после первого гудка восстановленного предприятия пришел в цех.
Недавно трудящиеся Калининграда избрали А. Жукова депутатом Городского совета. Фото Г. ЗЕЛЬМА.

Серьезный разговор

Бумажные фабрики Латвийской ССР перевыполнили годовой план. Но, увы, латвийская бумага делалась из привозной целлюлозы.

Лесная промышленность республики обязалась обеспечить поставщиков целлюлозы балансами. Но это обязательство осталось невыполненным. И нам приходится краснеть за то, что все наши издания вышли в свет на бумаге, изготовленной из привозной целлюлозы.

В чем дело? Писатели Латвии заинтересовались этим, повели серьезный разговор с разными ведомствами и выяснили обстоятельства срыва плана.

Министерство лесной промышленности Латвийской ССР не руководило сплавом, не проследило за тем, чтобы древесина, вывезенная на берега рек, была весной сброшена на воду. Древесину приходилось вывозить впоследствии по санному пути.

До декабря 1947 года вопросами заготовки сырья для целлюлозно-бумажной промышленности никто всерьез не занимался.

Вывоз из леса и доставка древесины к погрузочным железнодорожным пунктам осуществляется из рук вон плохо. Латвийская контора Главснаблеса и Министерство лесной промышленности совершенно не согласовывают своих требований. Комбинаты получают разноречивые планы и не знают, чьи предписания выполнять.

Леса, холмы и равнины Латвии вновь покрылись снежным покровом. Дымятся костры, поют пилы лесорубов, с грозным шумом валятся высокие ели — им предстоит стать бумагой для книг. Долг каждого работника лесной промышленности — серьезно подойти к делу, своевременно и полностью обеспечить целлюлозно-бумажную промышленность страны необходимым сырьем.

Советские писатели Латвии приняли на себя обязательство помочь бумажной промышленности выполнить план и обеспечить издание книг, журналов и газет отличной бумагой.

Бригада Союза советских писателей Латвии:
Я. ШУМАН, В. САУЛЕСКАЛН, Я. ПАБЕРЗ.

РИГА.

Бумага делается из леса...

Мы недавно побывали на бумажных предприятиях, и всюду мы видели одну и ту же картину. Министерство лесной промышленности СССР не выполняет плана поставок древесины, ставя под удар работу бумажных комбинатов.

В 1947 году бумажная промышленность страны получила лишь около 75 процентов запланированных ей балансов и дров. Большую часть этой древесины нужно было доставить сплавом. Но фактически вся тяжесть перевозок пала на железные дороги и это создало большие затруднения в работе бумажных комбинатов, приспособленных к приемке леса с воды.

На Балахнинском бумажном комбинате имеется прекрасно механизированная лесная биржа, которая может принять с воды, разделать, окорить и уложить на складах до 10 тысяч кубометров древесины в сутки. На все эти операции требуется всего 450 рабочих. При доставке же древесины по железной дороге для приемки 2.000 кубометров требуется не менее 900 рабочих. Выгрузку и разделку древесины приходится тогда производить вручную.

Получая балансы сплавом, комбинат пользуется окорочными барабанами, при работе которых потеря древесины не превышает 3 процентов. Когда же древесина прибывает по железной дороге, приходится применять ручные корообдирки, и потери увеличиваются до 16 процентов. Ко всему этому надо сказать, что вагоны полностью не загружаются и древесина по пути следования расхищается. Только по этой причине в 1947 году Балахнинский комбинат потерял около полутора миллионов рублей. Разгрузка вручную вызывает большие простои вагонов — за это уплачено в прошлом году 185 тысяч рублей.

Такое же положение на комбинатах: Вологодском имени Куйбышева, на Камском и других. Сегежский, Новолялинский и Вишерский целлюлозно-бумажные комбинаты, расположенные непосредственно в районах лесозаготовок, также остались без балансов и дров.

По постановлению правительства, за каждым бумажным комбинатом закреплены поставщики леса. Но эти поставщики срывают сплав леса для предприятий бумажной промышленности. Основной поставщик Балахнинского бумкомбината «Костромабумлес» в четвертом квартале прошлого года выполнил план вывоза баланса к берегам сплавных рек всего на 55 процентов, в то время как для второстепенных потребителей вывезено 87 процентов лесоматериалов.

«Вологдабумлес», снабжающий бумажный комбинат им. Куйбышева, выполнил в четвертом квартале план вывоза баланса только на 77 процентов, а план вывоза других сортов леса, не имеющих отношения к бумажной промышленности, оказался выполненным на 103 процента.

Не лучше работала и архангельская группа лесозаготовительных трестов «Двинлес», «Котласлес», «Устюглес» и «Комилес», обеспечивающих сырьем Архангельский комбинат им. Ворошилова. Эти «заготовители» подвезли к рекам только 65 процентов заготовленной для этого предприятия древесины, а другим потребителям дали в то же время 99 процентов леса.

Подобных примеров можно было привести много, но и этих достаточно, чтобы бить тревогу: лесная промышленность не выполняет своих обязанностей перед бумажниками. Лесотресты, связанные государственным планом с заранее определенными предприятиями бумажной промышленности, обеспечивают бумажные комбинаты в **последнюю очередь**.

Неужели министр лесной промышленности тов. Г. М. Орлов, который недавно, будучи министром целлюлозно-бумажной промышленности СССР, требовал от лесозаготовителей выполнения плана поставки балансов и дров именно водным путем — наиболее экономным и заблаговременно обеспечивающим бумажные предприятия! — сейчас забыл обо всем этом? Товарищу Орлову ведь лучше, чем кому-либо, известно, какие трудности для бумажной промышленности создает запоздалая поставка древесины по железной дороге, и к тому же в далеко не полном плановом об'еме.

Подвозка древесины к берегам рек для последующего сплава происходит в основном в четвертом и первом кварталах. План четвертого квартала оказался сорванным. Мы уверены, что Министерство лесной промышленности, наконец, вспомнит в первом квартале этого года о бумажниках. Леспромхозы должны доставить невывезенную в четвертом квартале древесину к рекам и полностью выполнить государственное задание. Бумага делается из леса! Об этом нельзя забывать ни на минуту!

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ,
Е. ДОЛМАТОВСКИЙ.

Вот к чему приводит срыв лесосплава... Балансы и дрова прибывают на Балахнинский бумкомбинат по железной дороге, их приходится в этом случае разгружать вручную и по одному переносить на руках к главному конвейеру лесной биржи. Фото П. ВОЗНЕСЕНСКОГО.

Из дневника бригады писателей

ОНИ МОГУТ РАБОТАТЬ ЛУЧШЕ!

Поезд, идущий из Москвы на Архангельск, останавливается на маленькой станции. Под колючей ночной метелью добираемся до железнодорожной ветки, ведущей на комбинат.

Окруженный лесами, подступающими к самым стенам, комбинат им. Ворошилова сверкает в ночи окнами своего поселка, фонарями. Широкая, веерообразная лента северного сияния полыхает на небе, как сказочная, гигантская корона.

Архангельский бумажный комбинат имени Ворошилова — одно из молодых предприятий страны. Только в 1941 году здесь было начато строительство. Неплохо работал комбинат во время Великой Отечественной войны, выполняя и перевыполняя план и по бумаге, и по целлюлозе. Переходящее Красное знамя красовалось на почетном месте. Доска почета была заполнена именами лучших стахановцев предприятия.

Но все это в прошлом...

Ушло переходящее Красное знамя, реже появляются на Доске почета имена лучших людей, падает кривая выполнения плана, в особенности по целлюлозе. Комбинат в глубоком прорыве и никак не может из него выбраться.

Куда бы мы ни заходили, нам говорили:

— Мы могли бы работать лучше, но нас лимитирует пар...

Недостаток пара — камень преткновения комбината. Дает пар комбинату теплоэлектроцентраль. На ТЭЦ до сего времени эксплоатировались лишь три паровых котла. Работали они на древесном топливе. И как это ни смешно и ни печально, — среди лесов комбинату нехватает дров. Котлы пришлось перевести на размельченный уголь, а это отразилось на их работе. Решено было установить еще один котел, тоже работающий на угле. К его монтажу было приступлено два года тому назад.

Для того, чтобы пустить котел в эксплоатацию, были вызваны лучшие технические силы с Барнаульского завода, приезжали представители Теплотехнического института, работала бригада наладчиков из Ленинграда. Руководители ТЭЦ, во главе с начальником тов. Котовым, обещали пустить котел еще весной прошлого года. Затем крайний срок был назначен на 7 ноября. Но все сроки прошли, а котел не работает.

У начальника планового отдела тов. Карпова мы спросили:

— Кто же виноват в том, что вам нехватает не только пара, но и дров? Может быть, виноват трест «Двиносплав»? Или еще кто-нибудь?

Тов. Карпов долго мялся и наконец вынужден был признаться, что серьезных требований к поставщику леса со стороны комбината своевременно не было пред'явлено.

— Прошляпили сами, — уныло говорит он.

Самоуспокоенность, неувязки между звеньями производства, рутина и формализм в проверке исполнения, формальное отношение к развертыванию социалистического соревнования — таков стиль работы комбината.

Заводская печать находится в плачевном состоянии. Газета «Бумажник» должна выходить два раза в неделю, а появляется только раз, да и то не всегда. Причину смешно назвать: нет материала!

Газету делает всего один человек: ответственный редактор. Техническая база — старенькая печатная машина, приспособленная для печатания бланков. Она почти вышла из строя. Если на печатание тиража газеты идет всего три часа, то на приправку уходит шесть часов, а то и больше. На все просьбы и обращения к архангельскому тресту «Полиграфпром» — отпустить новую машину для типографии комбината, трест (директор тов. Рехачев) отмалчивается. Изредка обещает «Полиграфпром» предоставить машину «в следующем квартале», но обещания остаются обещаниями. Непонятно и равнодушие архангельских партийных организаций к нуждам многотиражки комбината.

Стенгазеты в цехах выпускаются преимущественно к торжественным датам. Редколлегий у большинства стенгазет нет. Нет и рабкоровского актива. Ни критических выступлений по наболевшим вопросам производства, ни опыта передовиков, ни описания хода социалистического соревнования вы в стенгазетах не найдете. Сатирическая газета «Промывалка», остро ставившая производственные вопросы, в последний раз вышла в августе прошлого года и возродилась лишь с приездом на комбинат бригады писателей.

В красном уголке мы нашли стенгазету, посвященную 30-летию Октябрьской революции. В тетрадном цехе висела газета, выпущенная... 1 мая!

В связи с приездом бригады писателей в партбюро состоялось совещание руководителей 17 стенных газет. Редактор стенгазеты тов. Фетюкова жаловалась: «У нас нет ни одного рабкора». Редактор газеты ТЭЦ тов. Норкин заявил, что ему приходится ходить по начальству и выпрашивать заметку.

— Почему же к начальству, а не к рядовому рабочему? — спросили мы у этого редактора, и он ответил:

— А начальство лучше знает, что к чему!..

Почему областная газета «Правда Севера» не заинтересовалась состоянием газет на комбинате? Почему большая группа писателей, живущая и работающая в Архангельске, не наведывается на комбинат и не помогает ему? И почему, наконец, та же «Правда Севера» ни разу не освещала производственных вопросов комбината, не критиковала его внутренних неполадок? Тов. Симкину, ответственному редактору «Правды Севера», стоило бы над этим задуматься.

В рабочий клуб на встречу с советскими писателями собралось более тысячи рабочих, служащих и интеллигенции комбината. Директор тов. Гехтман торжественно заверил собравшихся, что пятилетний план комбинат выполнит, но сделал оговорку: в четыре года и шесть месяцев.

Коллектив комбината, лучшие его стахановцы говорили, что если будут устранены недостатки, мешающие производству, комбинат свой пятилетний план с успехом выполнит в четыре года. Прекрасные, работоспособные кадры имеет комбинат. И мы верим им. Министерство должно оказать коллективу комбината всемерную помощь. Комбинат имеет все возможности приступить к выпуску типографской бумаги и высокосортной целлюлозы. Это ясно каждому, кто побывал здесь. А между тем начальник главка тов. Милешкин отдал распоряжение... временно прекратить выпуск бумаги для книг и перейти на производство оберточной бумаги. Интересно знать, чем руководствовался тов. Милешкин, давая это распоряжение?

Бригада Союза советских писателей и «Литературной газеты»:
И. МОЛЧАНОВ, К. КОНИЧЕВ, В. ЖИЛКИН.

АРХАНГЕЛЬСК.

По следам выступлений «Литературной газеты»

Ответ министра путей сообщения

В связи со статьей А. Первенцева «Письмо министру», помещенной в «Литературной газете» 31 января, сообщаю:

Министерство путей сообщения приняло меры к вывозу в феврале скопившейся бумажной продукции с Пермской дороги и полной разгрузке Камского, Соликамского и Вишерского бумкомбинатов от накопившихся остатков бумаги.

Начальнику Пермской железной дороги дано задание отгрузить в феврале остаток бумаги и целлюлозы, имевшейся на 1 февраля, и обеспечить погрузку продукции текущей выработки за февраль.

Для этой цели на Пермскую дорогу усиливается направление крытых порожних вагонов.

На лиц, виновных в невыполнении плана погрузки бумаги по Пермской дороге, — начальника Пермской дороги тов. Самохвалова, главного ревизора движения тов. Пантелеева и начальника отдела тов. Юрина — наложены взыскания.

За отгрузкой бумаги по Пермской дороге установлен специальный контроль.

Министр путей сообщения
И. КОВАЛЕВ.

Бор. ТУРГАНОВ

Певец золотой Украины

Владимир Сосюра — один из старейших и наиболее популярных поэтов Советской Украины. Участник победных походов Красной Армии в годы гражданской войны, Сосюра в эти же годы входит и в украинскую литературу. Самые ранние стихи его уже наполнены сознанием величия совершающихся событий, в них звучит голос верного сына революции:

О, не даремно, ні, в степах гули гармати
І ллялась наша кров, і падали брати...
О, не даремно, ні, моя старенька мати
Зняла з своїх дітей дукатики і хрести...

Свой первый сборник поэт озаглавил «Красная зима» — так называлась основная вещь сборника. «Красная зима» остается до сих пор одним из выдающихся достижений украинской советской поэзии.

Зима. На фронт, на фронт!.. а на перони люди...
Біля вагонів ми співаєм «Чумака»...
І радість лоскотно бентежить наші груди...
Шикують злидні нас, юнак до юнака.

«Красная зима» — поэма о молодости, о первых годах революции, о самоотверженной борьбе лучших сынов украинского народа за власть Советов...

Владимир Сосюра — коренной, наследственный шахтер. Сам он с молодых лет, как отец его и дед, работал в шахтах. Сосюра нежно любит Донбасс, и родной шахтерский поселок Лисичье над Донцом, «где виснет дым завода», и всю суровую, своеобразную природу Донбасса, его копры и терриконы, а главное — его людей. Как поэт и гражданин, Сосюра мужал и рос вместе с Донбассом, вместе со всей Украиной.

Недаром таким гневом дышит его «Відповідь» («Ответ») — грозная инвектива, адресованная предателям народа, украинским буржуазным националистам, окопавшимся за рубежом и оттуда пытавшимся клеветать на молодую Советскую республику. Той же теме — борьбе против украинского национализма — посвящена замечательная баллада Сосюры «Комсомолец» (1927).

Высокое достоинство, духовное превосходство советского человека противопоставлены в балладе националистическому зверству петлюровцев. «Комсомолец» Сосюры — произведение большой внутренней силы и убежденности. Безвестный юноша-боец, воспетый украинским поэтом, сродни молодогвардейцам Краснодона.

В балладе «Комсомолец» отчетливо видна характерная особенность творчества Сосюры: умение в сжатой форме лирической миниатюры раскрыть большую тему. Сосюра — мастер лирической формы. Сила его в его эмоциональности. Казалось бы, Сосюра говорит очень просто, обычными словами. И рифмы у него самые обычные, не изысканные. И эпитеты повторяются: «щастя малинове», «сумні жоржини», «синє небо»... Но эти, такие обычные выражения спаяны внутренней мелодией стиха. Выбросьте одно слово, даже слог из строки, и строка рассыплется, очарование исчезнет. Вот почему стихи Сосюры, при всей их кажущейся простоте, переводить трудно, и большинство имеющихся русских переводов передает подлинный облик его поэзии очень приблизительно.

Прекрасные образцы маленьких «антологических стихотворений» создал Владимир Сосюра в предвоенные годы. Эти стихи почти не были замечены критикой. Между тем такие вещи, как «Снежинки», «Васильки», «Колодезь», «Вороненок» и многое другое, принадлежат к шедеврам украинской лирики:

Пахучий день, щебечуть птиці,
Де яворів шумлять ряди,
Я із прозорої криниці
Нап'юсь солодкої води.
В промінні вся вона іскриться,
Уяву збуджує мою.
Так і душа твоя—криниця,
З якої я кохання п'ю.

(«Криниця»).

В годы Великой Отечественной войны Владимир Сосюра проявил себя достойным сыном советского народа. Широко известно его послание донецким шахтерам: «Лист до земляків», написанное в декабре 1941 года.

Перед нами небольшая книжечка, изданная в советском подполье в дни оккупации Украины. На обложке значится: поэма Шевченко «Сон». Раскрываем ее и среди строк великого кобзаря читаем:

Я звертаюсь до вас, дорогі земляки-побратими,
Крізь пожарів злий гул, крізь удари невпинні гармат...

— так строки из послания Сосюры его землякам, прикрытые обложкой поэмы Шевченко, проникали на захваченные немцами украинские земли, будя в земляках поэта гнев и ненависть к захватчикам.

В годы войны и последовавшие за нею годы мирного труда, годы возрождения Украины, разоренной фашистскими захватчиками, Владимир Сосюра создал ряд взволнованных публицистических стихотворений и наряду с ними немало лирических миниатюр, в которых, как в малой капле воды, отразились величие и красота наших фронтовых и трудовых будней.

Не все, созданное поэтом, равноценно. Присущая Сосюре легкость стиха в отдельных вещах превращается в легковесность, простота поэтического выражения — в простоватость. Сосюра пишет быстро, живо откликаясь на выдающиеся события дня. Но эта живость, быстрота поэтической реакции порою идет за счет более углубленного осмысления темы. Стих скользит по поверхности событий, поэт ограничивается общей фразой там, где читатель вправе ожидать вспышки подлинного вдохновения.

Большая форма редко удается Сосюре. То, что Сосюра именует «поэмами», — по сути, те же лирические монологи, но чрезмерно растянутые, без внутреннего крепкого стержня. Даже «Красная зима»— бесспорная удача поэта — может быть названа поэмой лишь условно. Это лирический цикл из семи небольших стихотворений, по нескольку строф каждое. Сила его — в яркости выражения, в глубокой внутренней убежденности...

Но если отбросить в творчестве Владимира Сосюры все поверхностное, случайное, написанное наспех, небрежно, не в полную силу, то, что останется, сохраняет подлинную и непреходящую ценность. Перед нами предстает большой поэт, подлинный певец золотой Украины.

Владимиру Сосюре исполнилось пятьдесят лет. Свое пятидесятилетие поэт встретил, полный творческих сил и бодрости. Советское правительство наградило поэта за плодотворную деятельность в области художественной литературы орденом Ленина.

Вместе со всем украинским народом Владимир Сосюра вступил в тридцать первый год Советской Украины. И как торжественная клятва лучшему другу украинского народа, великому Сталину, звучат стихи поэта:

Ми вільні назавжди, як вільні наші далі,
Що їм не знать уже ніколи горя і тьми.
Ми вільні назавжди, і це зробив наш Сталін
Гартованим мечем, і це зробили ми.

Владимир Сосюра. Избранные стихотворения в 2 томах. Том I. Лирика. Госуд. изд-во художественной литературы Украины. Киев. 1947 г. (на украинском языке).

ПАМЯТИ ПИСАТЕЛЕЙ-ФРОНТОВИКОВ

Издательство Союза советских писателей Украины «Радянський письменник» выпускает ко дню 30-летия Советской Армии большой сборник «Венок», посвященный памяти украинских советских писателей, погибших на фронтах Великой Отечественной войны.

В альманах включены портреты и биографии писателей, отдавших свою жизнь в боях за Родину, библиографические статьи об их творчестве, воспоминания боевых товарищей, а также отрывки из произведений писателей-фронтовиков.

Библиотека имени Грибоедова в Ленинграде (Октябрьский район) располагает книжным фондом в 34 тысячи томов и обслуживает до 8 тысяч читателей.

НА СНИМКЕ: в одном из читальных залов районной библиотеки.

Фото Н. КАРАВАЕВА.

2.600.000 обманутых детей

Во всех своих стихах Некрасов неустанно твердил, что, сколько бы ни кричали после реформы о свободе крестьян, они попрежнему — крепостные рабы, «которых вместо барина драть будет волостной», и что их новое рабство, пожалуй, горше, чем старое.

«Да разве это настоящая воля! Нет, это чистый обман, издевательство над крестьянами!» — с гневом воскликнул Некрасов, прочтя в 1861 году царский манифест о «раскрепощении» крестьян.

Но недавно обнаружилось стихотворение Некрасова, в котором отчетливо сказано, что при виде подневольной работы закабаленных крестьян он не только не испытывал тех мучительных чувств, о которых мы сейчас говорили, но, напротив, веселился и радовался:

Как бодро дышится, когда на поле весь народ
Среди свободного труда все силы отдает!

Я прочел эти стихи с изумлением. Где же в тогдашней деревне мог видеть Некрасов этот свободный труд? Ведь сам же повторял столько раз, что ему больно смотреть на крестьян во время их тяжкой «страды»!

Однако вот эти невероятные строки, которые за подписью «Н. А. Некрасов» напечатаны в детском учебнике, изданном Учпедгизом в количестве 2.600.000 экз. (два миллиона шестьсот тысяч!):

Как не гордиться мне тобою, о, родина моя,
Когда над Волгою родною стою недвижим я,
Когда восторженно свой взор бросаю в небеса,
На твой чарующий простор, на темные леса!
Как хороша ты в ясный день на празднике весны
Среди приветных деревень родимой стороны!
Как бодро дышится, когда на поле весь народ
Среди свободного труда все силы отдает!

Н. А. Некрасов.

Учебник называется «Русский язык». Составлен В. Г. Поляковым и В. М. Чистяковым. Утвержден Наркомпросом РСФСР (М. 1946). Стихотворение напечатано на 160-й странице.

Ни в печатном, ни в рукописном наследии Некрасова подобного стихотворения нет и, конечно, быть не могло. Откуда взяли эту фальшивку составители книги, не знаю. Но неужели учебник, предназначенный для миллионов советских детей, — такой маловажный пустяк, что его можно печатать, не читая?

Учебник, вообще говоря, неплохой, но он требует самой тщательной редакционной работы.

Новому министру просвещения необходимо с самого начала принять меры, чтобы книги с подобными ляпсусами отошли в легендарное прошлое.

Корней ЧУКОВСКИЙ.

НЕУВАЖЕНИЕ К ШКОЛЬНИКУ

Начальная школа играет важную роль в формировании нравственного облика человека. Здесь ребенок получает первые представления о социалистической морали, первые сведения о жизни общества, здесь вырабатывается у детей чувство любви к своей Родине и народу, к родной природе, родному языку. Книга для чтения учит детей не только чтению, а и знанию жизни. Но вот...

«По дорогам тянутся длинные дроги, запряженные белыми волами с огромными рогами... Деревянных изб вовсе не попадается: одни мазанки. Везде много ветряных мельниц... Крестьяне в белых свитках и широких шароварах, женщины в вышитых рубашках с бусами на груди, в клетчатых запасках».

Это наугад открытая страница «Родной речи» — книги для чтения в 3-м классе начальной школы.

Читатель догадывается, что речь идет об Украине.

Но разве это советская Украина?

Да, на Украине есть и мазанки, и волы. Но не это главное. Главное то, что Украина — часть нашей большой советской страны, республика передовой социалистической индустрии, социалистического сельского хозяйства.

Не больше повезло в хрестоматии и советскому Кавказу. В отрывке «Жизнь горцев» мы читаем: «Женщины все лето ткут сукно на самодельных станках. Тем они и живут». А где же богатейшие текстильные предприятия, где шелкопрядение и ткачество социалистического Кавказа, где его овцеводство, где сады?

Посмотрим раздел о технике. В отрывке «Первые пароходы» мы читаем: «Великий англичанин Джемс Уатт изобрел в 1765 году паровую машину, а два других замечательных человека — Фультон и Стефенсон применили ее для облегчения сношений людей между собой».

И ни слова о знаменитом русском теплотехнике И. И. Ползунове, который еще за много лет до Уатта построил первую паровую машину!

В отрывке «Как добывают каучук» описывается труд колониальных рабов на каучуковых плантациях. «Негры собирают сок изо дня в день многие месяцы в духоте и убийственной жаре среди тропического леса. Голое тело немилосердно терзают муравьи, комары, мошкара». Но ни слова не сказано о самом страшном гнете, который испытывает на себе сборщик каучука, — о гнете капиталиста-плантатора, о бесправии народов колоний.

Почему в книге помещен возмутительный отрывок «Как найти дорогу?», где описывается некий английский путешественник, который «был удивлен, что негр сумел изобразить на песке довольно правильно путь, ведущий к озеру»?

Из какой английской хрестоматии взят этот отрывок, автор которого свысока третирует негров, как низшую расу?

В книге для 1-го класса помещена прекрасная статья Ушинского «Родина-мать», но ни в этой, ни в других хрестоматиях нет ни одной статьи, которая правдиво и увлекательно рассказала бы детям о том, почему мы гордимся своей советской Родиной, о том, что только в нашей стране свободно живется трудящемуся человеку.

В книгах этих почти не показан советский общественный строй. О жизни и быте деревни рассказывается в стихотворениях и статьях, взятых в большинстве из дореволюционных хрестоматий.

Ни в одной статье нет упоминания о сельсовете, правлении колхоза, машинотракторной станции.

Что же рассказывают школьникам о нашем советском городе? В книге для 3-го класса напечатано стихотворение Г. Добржинского «В городе». Приведем его целиком:

Вьются улицы, проулки,
Назади и впереди.
Ряд домов многоэтажных
Блещет сотнями окон.
Слышишь — рев авто протяжный...
Чу! — трамваев резкий звон,
Магазинов вереница,
Учрежденья там и тут.
Люди... Люди... Лица... Лица...;
Все бегут, бегут, бегут...
Тротуары, рельсы, стены,
Пятна яркие афиш.
К небу радиоантенны
Поднялись с высоких крыш.
И дрожат в бессонном гуле
Телефонов провода.
Это — город, шумный улей,
Улей знанья и труда.

Мы оставляем в стороне анализ «художественной» стороны стихотворения. Заметим только, что нужно потерять всякое уважение к русскому языку, к детскому читателю, чтобы напечатать, что «улицы и проулки» вьются «назади и впереди».

За красотами стиля остались совершенно не раскрытыми особенности советского города.

Нет ни одной статьи и рассказа о современной советской Москве, о Ленинграде. Книга для 1-го класса помещает «Письмо Гиго из Москвы домой на Кавказ», в котором говорится о том, что в Москве по крышам ходят трубочисты, что по улицам там ходить страшно, что в трамвае нельзя разговаривать с вагоновожатым и нельзя высовываться из окон трамвая. О московском Кремле, о московском метро, о фабриках, заводах, школах и парках столицы ученики начальной школы так за четыре года ничего и не узнают.

Нет в книге рассказов о дружбе и взаимной помощи народов Советского Союза.

Правда, есть несколько хороших рассказов и стихотворений об отдельных эпизодах Великой Отечественной войны, но почти ничего не говорится о трудовых усилиях советского народа в тылу, и нет ни одной, даже маленькой статьи, которая связно рассказала бы детям о войне—о том, кто напал на нашу Родину, как шла война, как мы победили врага.

Не более удачен и раздел художественной литературы.

Авторы знакомят учащихся с произведениями Пушкина, Некрасова, Л. Толстого, Никитина, Тургенева, Ушинского, с произведениями лучших советских писателей. Однако творчество Пушкина и Лермонтова представлено явно недостаточно. Ни в одной из четырех книг не напечатано и строчки Гоголя.

Составители часто неправильно ориентируют учителя своими вопросами, помещаемыми вслед за художественными произведениями.

В книге для 2-го класса составители поместили стихотворение А. Майкова «Ласточки», в котором автор рассказывает о полете ласточек в теплые края. Стихотворение заканчивается такой строфой:

И вот их гнездо одиноко,—
Они уж в иной стороне...
Далеко, далеко, далеко...
О если бы крылья и мне!

Составители книги спрашивают у восьмилетних детей: «Для чего писатель хотел бы иметь крылья? Догадайтесь». (Подчеркнуто составителями учебника).

О чем должны догадаться бедные дети? О том, что Майков хотел улететь в чужие края, или о том, что он хотел парить по поднебесью? Пусть бы сами авторы учебника ответили на этот вопрос.

Таких примеров много.

Мы знаем, как велика сила первой книги, прочитанной в детстве. На всю жизнь сохраняются в памяти ее страницы, впервые вводящие ребенка в сложный и многообразный мир, раскрывающийся за стенами его школы. Нетрудно понять, как велика ответственность авторов, создающих подобную книгу. Тем более обидна та безвкусица в подборе материалов, фактические и стилистические ляпсусы, то неуважение к юному читателю, которое проявили составители «Родной речи».

Остается назвать фамилии составителей хрестоматий. Вот они: Е. Соловьева, Н. Щепетова, Т. Моисеева, Л. Карпинская, В. Волынская, А. Капарская, М. Топор. Редакторы — А. Кубарева, Т. Бурмистрова, В. Некрасова. Издавал книги Учпедгиз.

Журнал «Начальная школа» за три года ничего не сказал учителю о серьезных ошибках книг «Родная речь» и не показал, как эти ошибки исправить. Непонятно, почему «Учительская газета», которая уже больше года назад имела сигналы с мест об ошибках этих хрестоматий, не выступает с их критикой.

Нужно немедленно и решительно пересмотреть книги «Родная речь».

Л. РАСКИН,
зав. сектором теории педагогики Ленинградского филиала Академии педагогических наук.

Коротко о книгах

1 М. ШЕВЕРДИН. «САНДЖАР НЕПОБЕДИМЫЙ». Роман. Госиздат УзССР, 552 стр.

Действие романа относится к двадцатым годам нашего века, когда в Восточной Бухаре пал деспотический режим эмира.

Сбежав от восставшего народа за границу, эмир оставил в Бухарской советской республике своих приверженцев. Купцы, баи, арбобы (помещики), духовенство — ишаны и муллы, родовая знать — беки и везиры, — все эти паразитические элементы старой Бухары не хотели уступить своих привилегий. Борьба между поднявшимся к новой жизни узбекским крестьянством — дехканами и светской и духовной знатью приняла острые формы. По стране рыскали басмаческие шайки, обрекавшие огню и мечу кишлаки.

На кровавые набеги «воинов ислама», которые грабили бедноту, но не трогали богатеев, народ ответил формированием народных добровольческих дружин. С помощью регулярных частей Красной Армии эти дружины и отряды истребляли басмаческие шайки.

Санджар, молодой пастух из кишлака Кош-Как, стал во главе одного из таких дехканских отрядов. Храбрый джигит, талантливый военачальник, Санджар вскоре завоевал широкую популярность в народе. Много раз спасал он кишлачную бедноту от басмаческих налетов, от истязаний и смерти.

Весь роман, по сути дела, состоит из описания бесчисленных перипетий борьбы Санджара с крупной шайкой одного из басмаческих курбашей, с хитрым и жестоким Кудрат-бием. Приближенный эмира Али Мардан-бек, оставшись по поручению эмира в Бухарской республике для изъятия спрятанных в пустыне драгоценностей своего «великого повелителя», стал под именем Кудрата вожаком басмачей. Он сжигал, стирал с лица земли кишлаки, угонял дехканский скот, убивал беззащитных детей, женщин и стариков; прикрываясь мрачными законами шариата, Кудрат мстил народу за эмира, за всю реакционную Бухару.

Санджар—это своеобразный среднеазиатский Чапаев, у которого был свой комиссар — умный и талантливый большевик Кошуба. Образы Санджара, Кошубы и Кудрат-бия удались автору. К сожалению, другие персонажи, а их в романе довольно много, запоминаются трудно. Герои мелькают один за другим, многие из них теряют индивидуальные черты. Исключение составляют члены русской научной экспедиции, которую сопровождает в Восточную Бухару отряд Кошубы (врач Николай Николаевич и старый ученый Медведь); для каждого из них автор нашел нужные слова и краски.

Композиция романа довольно монотонна: бесчисленные стычки с басмачами, осады, сражения — все это подчас утомляет.

Но книга Шевердина не лишена художественно-познавательной ценности. Автор отлично знает свой материал. Он сумел без назойливого экзотизма донести до читателя быт и нравы Средней Азии. В книге хороши картины своеобразной природы Узбекистана и Таджикистана.

Илья ЧЕРНЕВ.

2 Г. И. НЕВЕЛЬСКОЙ. «Подвиги русских морских офицеров на Крайнем Востоке России». Географиздат, 1947, 397 стр.

Автору книги, адмиралу русского флота Геннадию Ивановичу Невельскому принадлежит первое серьезное изучение низовья Амура и Приморья. Смелый и отважный исследователь доказал существование пролива между Сахалином (считавшимся в то время полуостровом) и материком, опроверг мнение о несудоходности устья Амура и сделал ряд других важных географических открытий.

Г. И. Невельской на свой риск и страх 1 августа 1850 года поднял русский флаг над Приамурьем, за что едва не был разжалован в матросы. Благодаря его решительности и настойчивости наша страна, по заключенному несколько позже Айгунскому договору, получила выход к морю в Восточной Сибири и территорию площадью более 1 млн. кв. километров.

Книга, повествующая об этой мужественной эпопее, насыщена богатым фактическим материалом и представляет большой интерес не только для историка или географа, но для каждого советского человека, любящего свою страну.

Обращает на себя внимание небольшая, но яркая вступительная статья Л. Г. Каманина; она заканчивается вполне справедливым пожеланием исправить историческую ошибку и в 1950 году, в столетний юбилей поднятия русского флага над Приамурьем, присвоить Татарскому проливу имя незаслуженно забытого Г. И. Невельского, открывшего этот пролив.

Г. КУЛИКОВ.

М. РИТМАН-ФЕТИСОВ

Искаженная история

Присоединение к России было единственным спасением казахского народа от порабощения отсталыми среднеазиатскими ханствами. Но на обширных пространствах казахской земли в то время не все понимали и признавали прогрессивное значение этого шага. Идеолог феодального строя, придворный поэт XVIII века Бухар-жирау выступал рьяным врагом русских. Он осуждал Аблай-хана, принявшего решение присоединиться к России. В реакционно-тенденциозных стихах этот поэт представлял русского человека страшным чудовищем.

Бухар-жирау выступал убежденным поборником полного омусульманивания казахского народа и пытался поднять знамя ислама, как символ отчуждения от русской культуры, как символ национальной самоизоляции на религиозной почве. Пренебрегая жизненными интересами народа, его любовью к родной земле, он рабски преклонялся перед мусульманским Востоком.

В отличие от таких прогрессивных деятелей казахской культуры, как Чохан Валиханов, Абай Кунанбаев, Ибрай Алтынсарин, — Бухар-жирау унижал национальное достоинство казахского народа, стремясь сделать его послушным вассалом восточных деспотов.

Подлинные выразители народных чаяний, казахские писатели-просветители решительно выступали против мусульманской реакции, панисламизма и пантюркизма. Любовь к родине, правильное понимание значения содружества с великим русским народом, чувство национального достоинства и вера в светлое будущее руководили Чоканом Валихановым и Абаем Кунанбаевым в их борьбе против религиозно-мусульманской реакции.

Валиханов страстно и гневно бичевал феодально-байских поборников реакционной культуры мусульманского Востока. Ему хотелось «устранить вредное влияние татарских мулл и среднеазиатских святош», уничтожить «действие мусульманских законов в нашей области» («Сочинения Ч. Валиханова». Спб., 1904 г., стр. 198). Валиханов прекрасно понимал пагубное влияние ислама для нормального развития народной литературы: «Набожные киргизы начинают ездить в Мекку, а баяны наши вместо народных былин поют мусульманские апокрифы, переложенные в народные стихи» (там же, стр. 194). Он советовал акыну Урумбаю не засорять родной язык восточными варваризмами, ибо без этого «киргизским* языком можно больше выразить».

Абай Кунанбаев отказывался признать народными акынами Бухара-жирау, Шортанбая, Мурата, Дулата, всех тех, кто пресмыкался перед реакционными восточными веяниями и мешал формированию полноценной реалистической литературы казахского народа.

Абай впротивовес восточным реакционным влияниям и вредным заимствованиям неоднократно говорил о необходимости обращения к животворным истокам культуры великого русского народа.

В конце XIX века панисламистскую линию Бухара-жирау на разжигание межнациональной розни, на отчуждение казахов от великого русского народа продолжал поэт Шортанбай, проповедывавший восточный фатализм, пессимистическое неверие в будущее Казахстана. Под реакционным влиянием Востока он призывал к отказу от классовой борьбы, убеждая следовать примеру мусульманских святых, терпеливо сносить свое унижение.

Не странно ли, что в наши дни нашлись горе-исследователи казахской культуры и литературы, для которых Бухар-жирау оказывается великим патриотом, мудрым мыслителем и даже... основоположником казахской литературы!

В его творчестве ищут героические традиции народного эпоса. Даже Сабит Муканов в «Очерках истории казахской литературы XVIII—XIX веков» (издание 1943 г.) благоговейно канонизирует Бухара-жирау, пытается смягчить его «заблуждения».

Кандидат филологических наук Б. Шелобаев в работе для второго тома «Истории казахской литературы» пытался доказать, что казахская проза в своих истоках связана с переводными религиозными произведениями Востока.

По отношению к этим религиозным произведениям, органически чуждым народным интересам и демократической казахской литературе, можно сказать то же, что в свое время говорил Н. Добролюбов по поводу византийских переводов на русский язык: «Книжная словесность, вынесенная к нам из Византии, старалась, конечно, внести в народ свои идеи; но, как чуждая народной жизни, она могла только по-своему искажать то, что было живого в народе, и не в состоянии была... проникнуться истинными его нуждами»... К этому следует лишь добавить, что переводная религиозная литература в Казахстане была призвана выполнить определенную функцию: в клерикальной форме проявлялся патриархально-феодальный и буржуазный национализм.

Казахская проза возникла под влиянием русской литературы. Это влияние помогло казахским прозаикам создать талантливые книги. Возводить их родословную к реакционной восточной литературе—значит унижать передовых казахских писателей, которые, впротивовес мусульманскому мракобесию, нашли правильный путь к реалистической прозе.

У некоторой части казахской интеллигенции до сих пор существует ошибочная точка зрения, что насильственное распространение ислама в казахской степи было прогрессивным явлением.

Эта «идея» в свое время возникла в кругах буржуазных националистов и использовалась для пропаганды панисламизма и пантюркизма. В действительности мусульманская религия, совершенно чуждая казахскому народу и органически им не воспринятая, никогда и ни в чем не имела положительного значения.

Распространение мусульманской письменности мешало нормальному формированию казахского литературного языка. Защитники и проповедники ислама пытались сделать повсеместно господствующими арабский и персидский языки; чтобы содействовать упрочению панисламизма, они доказывали неполноценность и неспособность тюркских языков к самостоятельному развитию. Академик Н. Я. Марр нанес сокрушительный удар по этой вредной теории, а практика в советских республиках с тюркоязычным населением доказала, что тюркские языки, в том числе и казахский, являются мощным орудием социалистической по содержанию, национальной по форме культуры.

Казахский народ никогда не жаловал проповедников ислама. Первым дошедшим до нас произведением юного Джамбула была сатирическая песня, обличавшая невежество и издевательства муллы-проходимца.

Муллы не ограничивались проповедью ислама. Англия возлагала большие надежды на своих чалмоносных ставленников, используя их, как агентов для пропаганды об'единения Коканда, Бухары, Хивы, Турции и Персии против России. С помощью проповедников ислама Англия приготовляла казахскому народу трагическую судьбу порабощенной и обреченной на вымирание колонии. В период гражданской войны и борьбы против иностранных интервентов муллы в Средней Азии становились оплотом контрреволюции.

Поэтому нелепым и возмутительным выглядит домысел поэта К. Сатыбалдина в поэме «Алия». Сюжет поэмы таков: Герой Советского Союза Алия Малдагулова подбивает танк, ее героизм радует эпических героев далекого прошлого и... Хазрета Али, зятя Магомета, который появляется с того света, чтобы поздравить советскую патриотку с героическим подвигом! До такой открытой проповеди мусульманской мистики Сатыбалдин мог дойти, очевидно, только потому, что поступился достоинством и здравым смыслом советского человека.

Этот пример убеждает нас в том, как остро и безотлагательно в литературной среде Казахстана должен быть поставлен и практически решен вопрос о борьбе против чужеродных влияний мусульманского Востока.

Низкопоклонство перед мусульманским Востоком сказывается и в деятельности некоторых казахских филологов. В работах Жиенбаева, отмеченных грубыми буржуазно-националистическими извращениями, протаскивалась реакционная идейка, что казахский язык должен черпать лексические материалы для образования новых терминов... из турецкого языка. В русско-казахском словаре общепринятые интернациональные термины и советские понятия заменялись мертвыми, надуманными и неточными по смыслу словами тюркских языков.

Казахские лингвисты не ведут борьбы с пантюркистскими теориями «единого происхождения» всех языков тюркских народов. А ведь буржуазные турецкие лингвисты пытаются использовать свои антинаучные домыслы в политических интересах современной империалистической реакции, для оправдания их мечты о турецком господстве над всеми тюркоязычными народами. Надо продолжать и развивать воинственную традицию Н. Я. Марра, который в отчете о поездке в Турцию справедливо и обоснованно, с позиций передовой советской науки разоблачал панисламистов в буржуазной лингвистике.

Филологи Казахстана должны постоянно и всемерно помогать дальнейшему развитию казахского литературного языка. Однако, до сих пор в тематический план Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР не включены исследования о влиянии русского языка на казахский язык, о лексическом составе современного казахского языка, о путях и формах обогащения его новыми социальными и политическими терминами.

Нам необходимы в художественной литературе и в литературной науке политически заостренные произведения, бичующие буржуазный Восток, его реакционную идеологию и культуру. Пора обратиться и к разработке такой темы, как разоблачение колонизаторских происков английских дельцов и шпионов в дореволюционном Казахстане, антисоветской деятельности английских ставленников в период гражданской войны.

Казахская советская литература должна создать произведения, разоблачающие реакционную роль ислама и пантюркизма в Казахстане и других республиках Средней Азии. Боевая задача деятелей казахской советской культуры — бороться против вредных проявлений низкопоклонства перед реакционной буржуазной культурой и реакционной культурой мусульманского Востока.

* Ч. Валиханов имел в виду казахов, именуемых тогда также и киргизами.

Литературная дискуссия на страницах „Октября“

◆ Е. КНИПОВИЧ ◆

За последние годы литературные дискуссии исчезли со страниц наших журналов.

«Октябрь» начал литературный спор, и в этом заслуга редакции. В основу обсуждения положен материал, который остро ставит ряд существенных для нашей литературы проблем,—статья А. Фадеева «Задачи литературной критики» («Октябрь», № 7, 1947 г.). Круг вопросов, поднятых в статье Фадеева, достаточно широк. Основные задачи нашей критики А. Фадеев справедливо видит в борьбе за партийность литературы, за реализацию тех основных задач социалистического реализма, которые были указаны в постановлениях Центрального Комитета партии о литературе и искусстве, в докладе А. А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград». Основные положения статьи А. Фадеева о роли революционно-романтического начала в социалистическом реализме, об истинном новаторстве — идейном и художественном — советской литературы, о скрытых и открытых формах идейной борьбы на литературном фронте, казалось бы, должны были встретить широкий отклик в среде нашей критики.

Но развернувшаяся на страницах «Октября» дискуссия показывает, что большинство ее участников сосредоточили внимание на отдельных положениях статьи А. Фадеева, связанных, главным образом, с вопросом о соотношении утверждающего и критического начала в литературе. Почти во всех статьях дискуссии, непосредственно откликающихся на статью А. Фадеева, сквозит некоторое предубеждение против революционной романтики. И О. Грудцова, и А. Марголина, и, правда, в гораздо меньшей степени, Т. Мотылева опасаются, что стремление к революционной романтике может отвратить внимание наших писателей от критики пережитков капитализма в сознании людей и притупить критическое острие нашей литературы. Некоторая односторонность отклика об'ясняется отчасти той позицией, которую заняла в дискуссии редакция журнала «Октябрь».

Отдавая должное инициативе «Октября», мы все-таки вынуждены сделать одно замечание к порядку ведения дискуссии.

Отдел дискуссий — не почтовый ящик при органе печати. В самом ходе дискуссии должна чувствоваться направляющая рука редакционного коллектива, начиная с мелочей. Ведь, например, русская грамматика — это не дискуссионный вопрос. Как же можно выпускать автора «на люди» со следующего рода заявлениями: «**Ни одна положительная идея,** ни один положительный образ свой **Бальзак не поднял на такую высоту** выразительности **и величины,** как отрицательный». (Подчеркнуто мною.—**Е. К.** Статья О. Грудцовой «О романтизме и реализме». «Октябрь», № 8, 1947 г.).

Редакция, естественно, не может навязывать спорящим своих мыслей и мнений. Но она может и должна следить за тем, чтобы все поднятые в дискуссии вопросы были обсуждены и чтобы разговор о теоретических проблемах был наиболее **конкретным,** имел непосредственное отношение к сегодняшним задачам нашей литературы. Между тем, многие существеннейшие вопросы, поднятые в статье А. Фадеева, не встретили отклика. И место конкретного разговора о социалистическом реализме почти во всех статьях занял разговор о критическом реализме прошлого.

Когда речь заходит о Бальзаке, то тут в статьях появляется и кропотливый анализ внутреннего мира Растиньяка или Рафаэля, и Гобсек, и Вотрен, и Феррагюс, и ссылки на огромное количество романов, и страстный спор о том, так или не так трактует А. Фадеев вопрос о критическом реализме Франции.

Когда же дело доходит до советской литературы, до вопросов социалистического реализма, то здесь пыл критиков почему-то угасает и начинается довольно отвлеченный разговор о «нашей литературе последних лет».

Нет спора, классическое наследство — вопрос очень важный. Но какое бы место он ни занимал в статье А. Фадеева, он все-таки остается в ней экскурсом, предисторией.

Основное в статье — **проблемы социалистического реализма, пути и задачи нашей литературы, идейная борьба на литературном фронте.**

Наиболее конкретной оказалась в дискуссии статья Б. Бялика «Надо мечтать!» («Октябрь», № 11, 1947 г.) — не только потому, что в ней есть несколько острых примеров, подкрепляющих общие положения. Основное достоинство статьи в том, что Б. Бялик сосредоточил свое внимание на проблемах, существенных для нашей жизни, для дальнейшего развития советской литературы. Можно спорить о тех определениях реализма и романтизма, которые выдвинуты автором, но правильность общего направления статьи, на наш взгляд, бесспорна.

В ней заключена верная характеристика основных особенностей социалистического реализма, проявившихся уже при возникновении этого метода в творчестве Горького. Особенно интересна та часть статьи, где автор говорит о советской литературе 30-х и 40-х годов, ставшей новым этапом в развитии социалистического реализма. Б. Бялик прав, когда прологом к этой литературе называет поэму «Хорошо!», в которой Маяковский воспел победу нового социалистического уклада, воспел окружающий мир, как **свой** мир.

«Именно это новое отношение к миру,—пишет Б. Бялик,—связанное с тем, что социализм и быт, идеал и повседневность впервые предстали перед поэтом не как две противостоящие друг другу силы, именно радостное, гордое чувство победы человека над «стаями сердце раздиравших мелочей», именно это все определило особенности лирики Маяковского последнего периода, лирики, которая передала ощущение единства с окружающей действительностью...»

К сожалению, Б. Бялик был вынужден вступить в бой на территории статьи О. Грудцовой «О романтизме и реализме». Необходимость следовать за ходом чужой и путаной мысли в данном случае помешала ему развернуть всю положительную программу.

Но, с другой стороны, пройти мимо тех утверждений, которые содержатся в статье О. Грудцовой, и невозможно.

Перед советскими писателями О. Грудцова ставит две основные задачи. Во-первых, даже рисуя образы лучших людей нашего общества, советская литература, по ее мнению, должна обязательно показывать в каждом из них борьбу «прекрасного, благородного коммунистического начала, воспитанного идеями коммунизма и условиями жизни страны, с эгоистическим, мелким, низменным началом — остатком прошлого». Во-вторых, наша литература должна раскрывать непреодолимое противоречие между сущностью человека и его деяниями, ибо последние, даже у советского человека, якобы не могут быть прямым и непосредственным выражением сущности. Нетрудно увидеть, что О. Грудцова,—и на это справедливо указал Б. Бялик,—отрицает право советского художника изображать цельность и внутреннюю силу передового человека нашей эпохи. При таком определении задач нашей литературы, конечно, окажутся «неполноценными» и молодогвардейцы Фадеева, и многие другие герои нашей литературы недавних лет, например, Руднев в «Людях с чистой совестью» Вершигоры. Более того, если бы О. Грудцова была бы хоть сколько-нибудь последовательна, ей пришлось бы ликвидировать большую часть золотого фонда нашей литературы. Ведь нет же низменного эгоизма в Павле Корчагине и Левинсоне! И светлый внутренний мир Фурманова непосредственно и последовательно проявляется в его деяниях, когда он вместе с горсточкой героев-коммунистов побеждает в борьбе с пятитысячной толпой мятежников.

Каковы бы ни были суб'ективные намерения О. Грудцовой,—об'ективно ее критика «нашей литературы последних лет» отражает воздыхания любителей «сложностей» и «психологических бездн», их жалобы на «однолинейность» нашей литературы, на «засилие романтизма».

Не случайно, ссылаясь на классические образцы, поучительные для советской литературы, О. Грудцова прежде всего называет Достоевского, т. е. художника, изображавшего раздробленность человека, как органическое свойство его природы, злое начало в его сознании, как равноправное доброму.

Вопрос о критике, о разоблачении врага, об изображении пережитков капитализма в сознании людей — это очень серьезный вопрос. И жаль, что Б. Бялик не поднял его в своей статье. Ведь здесь тоже есть немало предрассудков, от которых не свободны и работы серьезных критиков. Т. Мотылева, например (в статье «Об утверждающем и критическом начале в социалистическом реализме»), соглашается признать правильное положение Фадеева о том, что утверждающее начало—основное в литературе социалистического реализма. Но конкретный анализ некоторых произведений советской литературы (например, «Кавалера Золотой Звезды» С. Бабаевского), данный в ее статье, заставляет думать, что у автора нет достаточно четкого понимания той новой связи между утверждением и критикой действительности — связи, которая возникла в литературе социалистического реализма.

«Кавалер Золотой Звезды» очень наглядно доказывает, — говорит Т. Мотылева,— что когда писатель не проявляет смелости в критике, он оказывается слаб и в утверждении». На деле же соотношение не таково. Сила утверждения, новое социалистическое чувство единства с окружающим миром определяют и глубину и верное направление критики. Яркий пример дает нам повесть Э. Казакевича «Звезда».

В минуту смертельной опасности, перед лицом нравственной силы и цельности Травкина лихой блатмейстер Мамочкин ощущает, что, идя на подвиг с пятном на совести, он как бы впустил в крепость врага, предал товарищей, предопределил гибель отряда.

В этой трактовке пережитков, как явления одновременно неестественного для советского общества и опасного, есть суровая правда, призыв к внутренней цельности и нравственной чистоте, необходимых для великих дел, предназначенных советскому народу.

Разоблачение плохих, отсталых, отрицательных черт героя должно всегда обладать одним качеством — зло в изображении художника всегда должно быть **неравноправно** добру.

Об этом неравноправии знала уже и наша классическая литература. Величайшие наши художники всегда изображали социальное зло и уродство, как нечто ненормальное с точки зрения их высоких представлений о человеке, отражавших стремления и чаяния народа.

Насколько же острее и реальнее должно быть это чувство неравноправия, «ненормальности» зла в сознании советских художников, деятелей литературы, открыто и неразделимо связанной с народом и партией, представителей того общества, где «суб'ективное чаяние художника совпадает с об'ективным ходом общественного развития»! (А. Фадеев).

Мне кажется, что острота недавней дискуссии о романе В. Пановой «Кружилиха» отчасти об'ясняется внутренней позицией писательницы, ее принципиально-снисходительным отношением к злу. Ссылки на право об'ективного изображения действительности, на «чеховский метод» здесь вряд ли состоятельны. Разве мы не ощущаем ненависти Чехова не только к унтеру Пришибееву или учителю Беликову, но и к Рашевичу, Абогину, Ариадне, к герою «Анны на шее» с подбородком, «похожим на пятку»?

Пути снисхождения к злу ведут, в конечном счете, на Запад, к тем взглядам на человека и его судьбы, которые противоположны нашим взглядам. Конечно, если речь идет о романе В. Пановой, здесь встает лишь вопрос о неверных тенденциях, проявившихся в произведении талантливой писательницы. Но тем более следует на них указать.

Дискуссия в «Октябре» продолжается. В статьях №№ 11 и 12 (Б. Бялика и Т. Мотылевой) в сферу ее действия уже начали входить более весомо явления советской литературы.

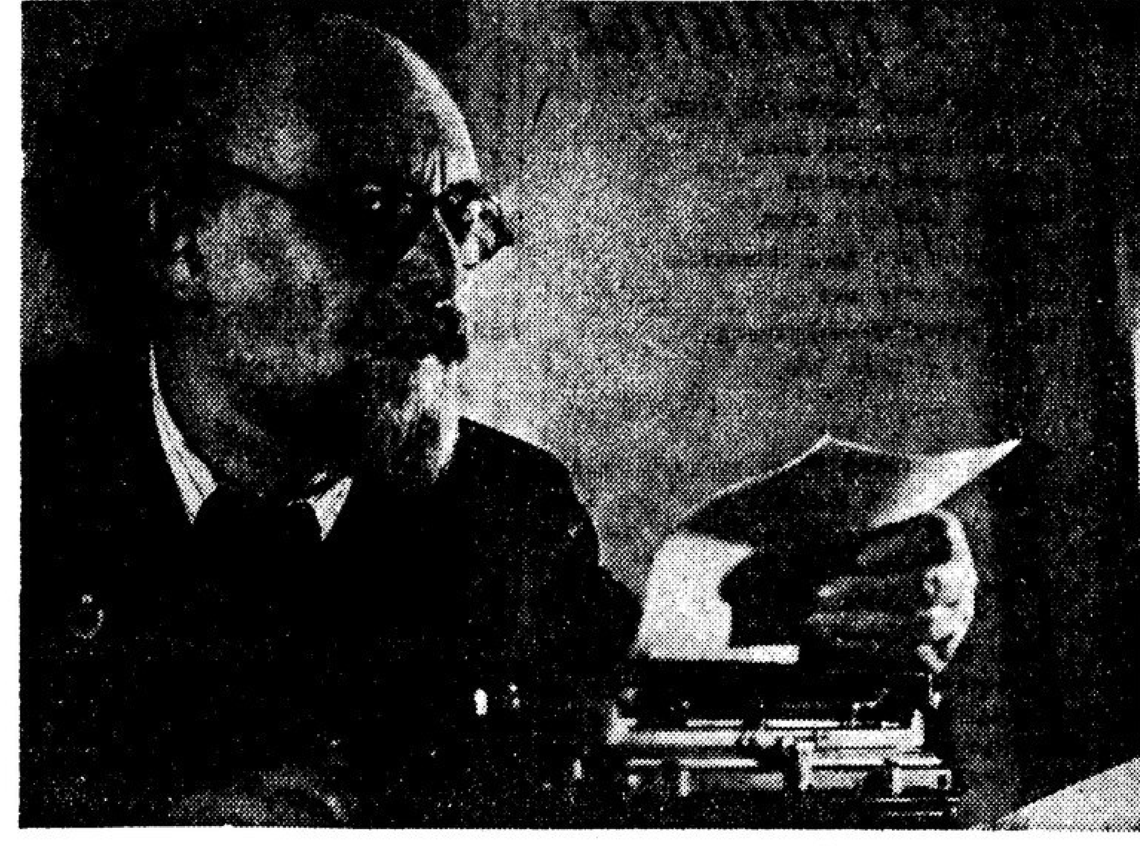
Дискуссионные статьи первого номера «Октября» за 1948 год посвящены конкретному анализу некоторых произведений советской литературы последних лет (Е. Бобровская и Н. Четунова — «Вопросы семьи и морали», М. Шкерин — «О романе Ильи Эренбурга «Буря»).

Однако поворот к современной теме совершен в дискуссии неудачно.

Серьезная и обоснованная критика «Бури» и ее недостатков, несомненно, нужна, как нужна критика любого произведения. Но М. Шкерин подошел к книге с предвзятым мнением и дал односторонний анализ романа. Редакция «Октября» и здесь осталась верна тому странному принципу невмешательства, который определяет ее отношение к дискуссии.

Нам кажется, что, повернув дискуссию к современной теме, ее надо продолжить так, чтобы она стала серьезным, проникнутым партийностью обсуждением вопроса о путях и задачах литературы социалистического реализма.

Певец русской природы

На вечере, посвященном 75-летию со дня рождения М. М. Пришвина, выступали писатели и поэты, совершенно не схожие по своей творческой индивидуальности — Л. Леонов, С. Маршак, К. Паустовский, Н. Асеев, Л. Кассиль, В. Лидин, П. Шубин, но все они одинаково тепло говорили о силе произведений М. Пришвина, о поэтической простоте, делающей его книги равно любимыми и доступными для читателей всех возрастов, об умении писателя волновать картинами русской природы, за которыми ощутимы красота и благородство души русского человека.

В речах было приведено немало фактов, очень ярко и наглядно иллюстрирующих воспитательное значение книг Пришвина. Особенно сильное впечатление произвел на аудиторию рассказ генерал-майора Н. Гарнича, вспоминавшего о том, с каким волнением читали бойцы и офицеры его части в годы Отечественной войны случайно попавшую в их руки книгу «В краю непуганых птиц».

—Дело происходило в лесу, обезображенном снарядами и бомбами неприятеля,—говорит генерал.—Воины уже не замечали всего этого, они привыкли к таким изуродованным пейзажам. Но книга М. Пришвина пробудила в них острую боль за поврежденный лес и столь же острую ненависть к немецким фашистам. «Как хорошо написано!—воскликнул один боец.—Нужно сделать так, чтобы никто никогда больше не портил нашу природу».

Есть прямая связь между этими словами и трогательным письмом к писателю одного пионера, которое было оглашено на вечере редактором газеты «Пионерская правда» В. Семеновым.

Автор письма образно и непосредственно рассказывает о том, как он научился по произведениям Пришвина наблюдать и любить природу, поняв, что природа—это одно из живых воплощений самого дорогого слова—Родина.

Так яркое ощущение русской природы, которым пронизаны книги М. Пришвина, пробуждает в сердцах советских людей высокое чувство патриотизма, чувство любви и преданности отечеству.

С приветствиями юбиляру выступили на вечере Н. Семашко, И. Розанов, представители ЦК ВЛКСМ, издательств, редакций газет и журналов, Министерства просвещения РСФСР, Московского государственного университета и многих других организаций.

Все говорили о творческой активности писателя, о его энергии, позволяющей ему и в 75 лет продолжать привычный образ жизни неутомимого путешественника, следопыта, охотника и обогащать нашу литературу новыми произведениями.

В заключительной речи юбиляр горячо благодарил советскую общественность за чуткое и внимательное отношение к его творчеству.

На снимке: М. М. ПРИШВИН.
Фото Е. ТИХАНОВА.

Л. КРУПЕНИКОВ

Об авторской взыскательности

Роман А. Коптяевой «Товарищ Анна», напечатанный в 1946 году на страницах журнала «Октябрь», был встречен резкой критикой.

Сейчас, когда роман вышел отдельным изданием, интересно не только разобраться в его сути, но и посмотреть, что и в какой степени автор подверг переработке, какую меру авторской взыскательности к своей работе проявил он, подготовляя книгу к новому изданию.

В центре произведения остается образ Анны Лаврентьевой, горного инженера, директора крупного золотого прииска в Якутской тайге.

Мы знакомимся с жизнью и многосторонней деятельностью Анны, и перед нами отчетливо возникает образ передового советского человека, рачительного хозяйственника, смелого инженера-новатора, борющегося за новые методы золотодобычи.

Анна борется за внедрение в жизнь своего новаторского проекта. В самый разгар этой борьбы в ее семейной жизни происходит тяжелая драма. Муж Анны, геолог Андрей, изменяет ей. Эту измену Анна переживает тем более тяжело, что вся десятилетняя совместная жизнь ее с Андреем протекала дружно и счастливо, любовь поддерживала их в нелегкие годы студенческой жизни. Последующая совместная работа и общность интересов привели к еще большей душевной близости. Они оба тяжело перенесли смерть первого ребенка, оба беспредельно любят свою четырехлетнюю дочку. (Кстати сказать, страницы, посвященные изображению маленькой Маринки, едва ли не лучшие в романе).

Измена мужа глубоко потрясла Анну. Ее вера в Андрея, вера в постоянство чувства — все подверглось сомнению. Страдания Анны, вся ее душевная жизнь в эти тяжелые дни показаны писательницей глубоко и, за исключением некоторых мелких погрешностей, убедительно.

При переработке романа А. Коптяева устранила ряд досадных деталей, противоречащих всему облику героини, в частности, исчезла мелодраматическая сцена с браунингом. Образ Анны, не потеряв своей многогранности, стал более цельным. Тяжелое испытание, выпавшее на долю Анны, не сломило ее, не приостановило духовного роста. И мы верим ей, когда в конце книги, размышляя о пережитом, она говорит: «Я счастлива, что сумела выстоять в беде, так неожиданно обрушившейся на меня. Я живу и чувствую, что не опустошилась, не обеднела душой...»

Удача писательницы в создании образа Анны об'ясняется прежде всего тем, что все мысли и чувства героини показаны в неразрывной связи с ее делами, со всей ее напряженной творческой деятельностью.

Если бы вся обстановка прииска «Светлого» являлась только декоративным фоном, на котором разыгрывается любовная драма героини, — о книге Коптяевой не стоило бы и говорить. Но, читая роман Коптяевой, мы узнаем о смелой и увлекательной борьбе советских людей с суровой северной природой, мы еще раз убеждаемся в великом значении дружбы народов в Советском Союзе, благодаря которой ранее угнетенные, обреченные на вымирание малые народности ныне приобщены к социализму.

В образе Анны воплотились новые черты характера, выработавшиеся в наших людях за советские годы. Анна — душа и организатор многих начинаний на приисках и в окрестных районах. Выращивают ли здесь первые овощи, строят ли для эвенков школу, — во всем она принимает деятельное участие. Даже в минуты самых мучительных переживаний она не может отойти от своей работы. Чувство причастности к общему делу и ответственности за него, умение подчинить личное общественному, тому главному, за что борется, во имя чего трудится весь народ, не позволяет Анне замкнуться в раковине личных переживаний. Мало того, сознание своей нужности, необходимости для окружающего ее коллектива советских людей помогает Анне преодолеть страдания, укрепляет ее душевные силы. Во всех начинаниях Анну горячо поддерживают и секретарь парткома Уваров, и новатор-забойщик Никанор Чернов, и многие другие.

В тяжелые для нее дни Анна ощутила всю благотворную силу товарищеской поддержки, оказанной ей самыми различными людьми.

В этой поддержке, в этом сочувствии проявились те новые моральные устои, которые все больше утверждаются в нашем обществе, делая советских людей носителями самой высокой, самой передовой морали во всех областях жизни, в том числе и в сложной области семейных отношений.

То, что А. Коптяева сумела создать сложный и цельный образ передовой советской женщины, сумела дать целый ряд ярких, запоминающихся картин из жизни эвенков и работы старателей, свидетельствует о художественной зоркости писательницы и о хорошем знании жизненного материала, который положен в основу произведения.

Эти удачи позволяют пред'явить высокие требования к книге в целом, а между тем ряд образов и положений в романе ни в коем случае не может удовлетворить читателя.

Коренной недостаток произведения заключается в том, что, уделив почти все свое внимание образу Анны, Коптяева поверхностно подошла к изображению других основных героев и прежде всего мужа Анны — Андрея.

И сейчас, после доработки, образ Андрея все же остался бледным и расплывчатым, хотя черты, характеризующие его увлеченность своей работой, стали более выпуклыми.

Его отношение к Анне, любовь к Валентине, раскаяние и возвращение к жене — все это показано крайне неубедительно. Самая измена мотивируется в значительной степени тем, что Анна не поддержала Андрея в его работе, усомнилась в правильности его геологических поисков, и это вызвало у Андрея чувство отчуждения. А Валентина, хотя и ничего не понимала в геологии (она врач), поверила Андрею, проявила сочувствие, оказала ему, страдающему от непонимания и одиночества, поддержку.

Кстати, Анна, пожалуй, единственный раз на протяжении романа действует в этом случае в явном противоречии со своим характером, проявляя, по воле автора, непонятную сухость, формально, по-казенному подойдя к работе Андрея. Не верится, что эти люди десять лет жили душа в душу, понимая друг друга с полуслова.

Все недомолвки, недоразумения и обида Андрея, долженствующие, по замыслу автора, об'яснить его измену, приводят читателя к мысли, что Андрей вообще не способен на глубокое чувство, что он и не любил по-настоящему свою жену. Недаром его помощник Чулков говорит ему: «— Не любите, видно, вы ее, Анну Сергеевну. Вот и подводите балансы — кто кому, да насколько нанес обиды».

Сложность образа подменена неопределенностью. Образ Андрея смазывается наслоением взаимно исключающих черт.

Возвращение Андрея к жене представлено в романе не слишком убедительно и, так сказать, ненадежно. Чему научился он? Что постиг? Преодолел ли он в своем сознании те пережитки прошлого, которые нередко еще дают себя знать в семейных отношениях? Неизвестно. А что будет, если новые геологические поиски приведут к неудаче — ведь бывают же такие случаи у геологов! А если в это время на прииске вместо вышедшей замуж за Ветлугина Валентины окажется другая красивая женщина, которая с еще большей выразительностью споет какой-нибудь старинный романс, — тогда все сможет начаться сначала? Очень может быть. Неопределенность образа Андрея позволяет предполагать все, что угодно.

Образ Валентины, молодого врача, прибывающего на работу в приисковую больницу, подвергся более существенной доработке. Роман очищен от значительной части литературной безвкусицы, покрывавшей пошловатым налетом ряд его страниц.

Мы узнаем более подробно о тяжелом детстве Валентины, о ее несчастливой жизни с первым мужем, о смерти ребенка. Это делает более естественной всю историю ее отношений с Андреем. Психологическая мотивировка последующего сближения Валентины с Ветлугиным сделана куда более убедительно и тонко. Но при всем этом автору и теперь не удалось создать цельного образа.

Сама Валентина говорит о своем характере так: «Вот я одна — большая Валентина, много работаю, обо всем беспокоюсь. Но есть еще другая я — малюсенькая. Эта любит наряды, веселье, тащит меня, большую, из поликлиники, изза стола от занятий, мешает».

Автор уверяет, что Валентина — хороший врач, любящий свою работу. Но это относится к большой Валентине. А перед читателем чаще появляется Валентина маленькая.

Разделение человека на «большого» — хорошего работника, активного строителя нового общества, и «маленького» — носителя недостаточно устойчивых моральных взглядов, легкомысленно относящегося к любви, к семье, — подобное разделение является отголоском вредных, давно осужденных представлений и ведет к известному оправданию тех самых пережитков прошлого, борьбе с которыми автор хотел посвятить свой роман.

После переработки роман Коптяевой «Товарищ Анна» значительно улучшился. Но все же возросшая мера авторской взыскательности оказалась еще далеко не достаточной. Это существенно снижает идейно-художественные достоинства произведения.

Антонина Коптяева. «Товарищ Анна». Роман, «Советский писатель», 1947, 432 стр.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

О полиграфической культуре детской книги

Высокие гигиенические качества детской книги важны не меньше, чем состав воздуха, которым дышит школьник в классе, чем правильное устройство школьной парты, правильная организация режима в школе и дома, чем любой иной предмет, связанный со здоровьем детей.

Установлено, что мелкий, бледный, чрезмерно уплотненный, напечатанный легко стираемой краской и на плохой бумаге шрифт требует длительного, чрезмерного напряжения глаз.

Обращение «Литературной газеты» к работникам полиграфического дела представляется для нас, гигиенистов, важным и актуальным: вот почему проблема, казалось бы, ограниченная вопросами общей культуры советской книги, перерастает в проблему здоровья подрастающего поколения.

У нас большой счет ко всем, кто выпускает книги. Мои сотрудники в Ленинградском научно-исследовательском санитарно-гигиеническом институте несколько лет занимаются исследованием детской книги.

В 1945 году Детгизом выпущены серии детских книжек под названием «Книга за книгой» для детей старшего и среднего возраста. В состав серий вошли избранные рассказы и стихи лучших русских писателей.

Первое, что бросается в глаза, — это неправильный подбор шрифта книжек. Напечатаны книжки петитом, с плотностью размещения букв, почти вдвое превышающей нормальную. А это ослабляет быстроту восприятия зрительных образов: букв, слов. Никакими соображениями экономии бумаги такое печатание не должно вызываться, особенно в стихах, например, «Мать» С. Михалкова, где текст занимает половину страницы (в ширину).

Как исключение, печать в разбивку использована в стихотворении К. Симонова «Сын артиллериста»; почему это исключение нельзя было сделать правилом для всей серии?!

Качество бумаги низкое, она приближается к типу оберточной бумаги.

Фальцовочные и типографские работы проделаны небрежно. Страницы обрезаны с перекосом на 3—5 мм, а внутренние поля в некоторых книжках (в первой половине книги «Иванко Крылатко») почти вовсе отсутствуют. Несмотря на интересное содержание книжек, школьники, как утверждают некоторые школьные библиотекари, отказываются читать эти книги.

Анализ «Сборника алгебраических задач» Шапошникова и Вальцева (изд. Учпедгиза 1945 г.) показал настолько высокую степень просвечиваемости бумаги, что чтение числовых примеров становится затруднительным.

Недоброкачественна также и печать. Коэффициент стираемости краски более 10 процентов. Поразительно неправильно [illegible]

Поражает мало привлекательная внешность книг для дошкольников. Большинство их без плотного (пусть не картонного) переплета, 50 процентов без иллюстраций. Свыше 40 процентов книг, изданных после войны, напечатано на просвечивающей бумаге. Ни одна из исследованных нами книг не имеет всех требуемых по нормам показателей.

В то время как основные виды продукции нашей промышленности не только достигли довоенного уровня, но уже превысили его, качество детской книги остается неудовлетворительным, нетерпимым в свете нашей общей культуры.

Детская книга воспитывает ребенка не только своим содержанием, но и своим оформлением. Оформление (широко понимаемое) может привязать ребенка к книге на всю жизнь, но может сделать и обратное. Это должны понять работники бумажной промышленности и работники полиграфии.

Советские дети окружены в нашей стране большим вниманием. Им дается все лучшее и наиболее полноценное! И книга, один из предметов первой необходимости советской детворы, должна быть также лучшей и наиболее полноценной. Это наш долг перед детьми.

Проф. А. Я. ГУТКИН

ЛЕНИНГРАД.

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ОБ'ЯВЛЯЕТ КОНКУРС

1) На замещение вакансий заведующих секторами (оклад 6000 руб.):
 а) советской литературы,
 б) изучения литературного наследия революционных демократов.

2) На замещение восьми вакансий старших научных сотрудников (оклад 3000 руб. и 4000 руб.) по специальностям: русская литература (советская и дореволюционного периода), западные литературы.

На основании постановления Президиума Академии наук СССР от 18 февраля 1947 г. к участию в конкурсе на замещение вакансий зав. сектором допускаются лица, имеющие ученую степень доктора наук или ученое звание профессора; к участию в конкурсе на замещение вакансий старшего научного сотрудника допускаются лица той же квалификации, а также лица, имеющие ученое звание старшего научного сотрудника.

Заявления с приложением всех необходимых документов (нотариально заверенная копия диплома об ученой степени и звании, выданного ВАК Министерства высшего образования СССР; личный листок, автобиография, список научных трудов, отзывы и характеристика) подаются на имя директора института (Москва 6, ул. Воровского, д. 25-а) в течение двух месяцев со дня появления настоящей публикации.

Жилплощадью институт не обеспечивает.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: А. БАУЛИН, В. ВЕЛИЧКО, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.
Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни и отдел писем — К 4-60-02, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 1-18-94, издательство — К 3-37-34.
Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.
Б — 01114.